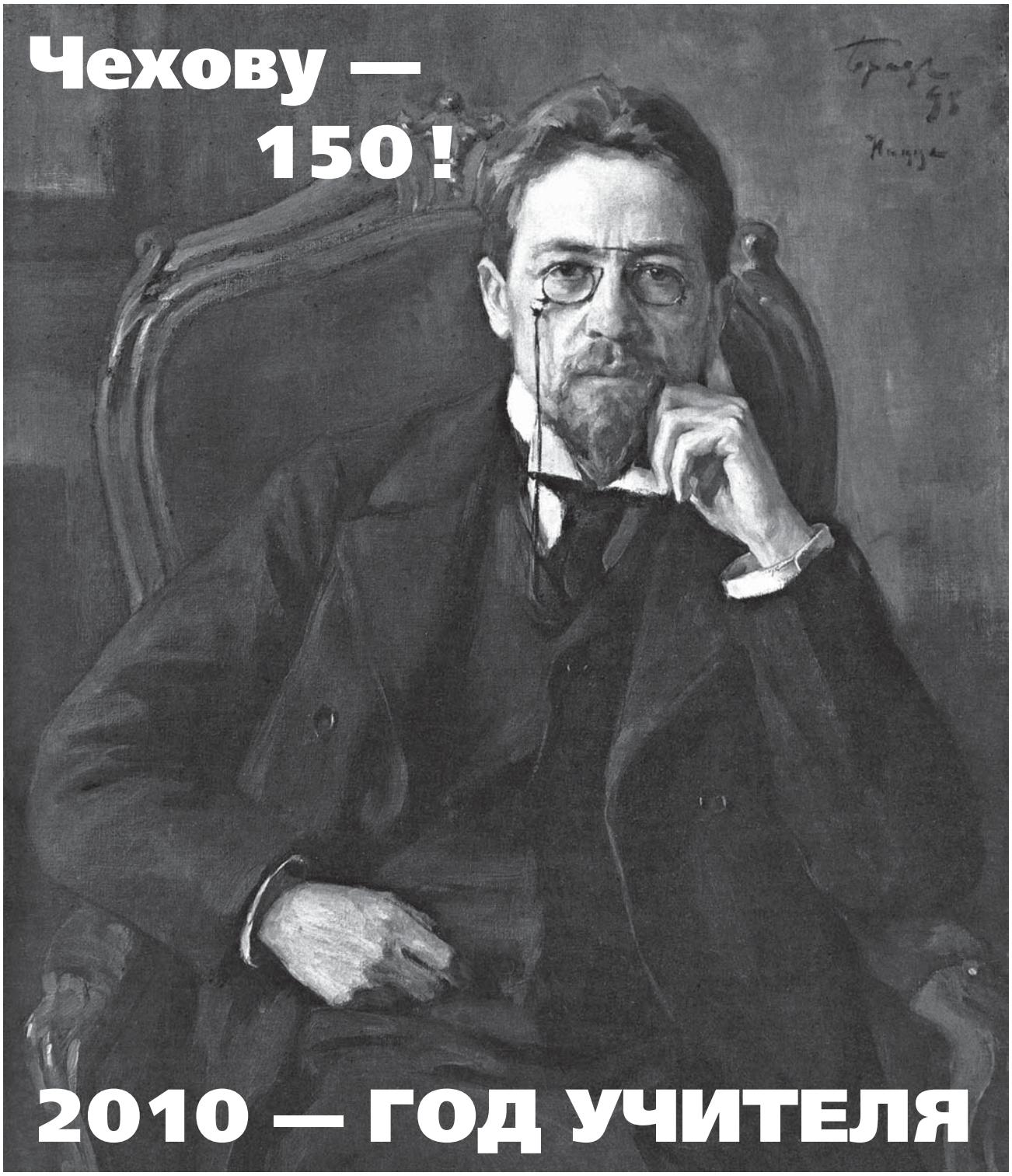
БОЛЬШАЯ МЕДВЕДИЦА

№1(24) ЯНВАРЬ–ФЕВРАЛЬ 2010

АССОЦИАЦИЯ ПИСАТЕЛЕЙ УРАЛА / ЖУРНАЛ-ГАЗЕТА ПИСАТЕЛЕЙ, КНИГОИЗДАТЕЛЕЙ И КНИГОТОРГОВЦЕВ



в номере

ПО ИТОГАМ 10-Й КОНФЕРЕНЦИИ АСПУР С. 4-5

НОВОСТИ ИЗ РЕГИОНОВ С. 2–3

УРОКИ НРАВСТВЕННОСТИ С. 6–7

АКТУАЛЬНОЕ ИНТЕРВЬЮ С. 7–8

ПРОСТО ФАНТАСТИКА С. 9

КРИТИКА С. 10–11

НОВЫЕ КНИГИ С. 11–13

СТИХИ Е. БЕЗРУКОВОЙ С. 13–14

КРАЕВЕД Л. ЛИПАТОВА С. 14–15

МЫ ЕЩЁ ПОЖИВЁМ...

Наступил 2010 год — год юбилея Антона Павловича Чехова, год, который Президент России объявил Годом Учителя. Это в какой-то мере символично. Чехова по праву можно считать настоящим учителем всех последующих поколений русских писателей. У такого мастера и правда есть чему поучиться. В первую очередь бережности в расходовании слов, точности характеристик, меткости острот и доброте взгляда на своих героев... Такие Учителя, как Антон Павлович, не нуждаются в объявлении в их честь какого-то отдельно взятого года — они навсегда. С чем нас, писателей, родившихся в России, и надо поздравить. Ни одна другая страна в мире не может гордиться таким замечательным сводом литературных имен, чьи персонажи стали неотъемлемой частью не только жизни россиян, но и мировой культуры. И Чехов, несомненно, один из литературных столпов нашего Отечества.

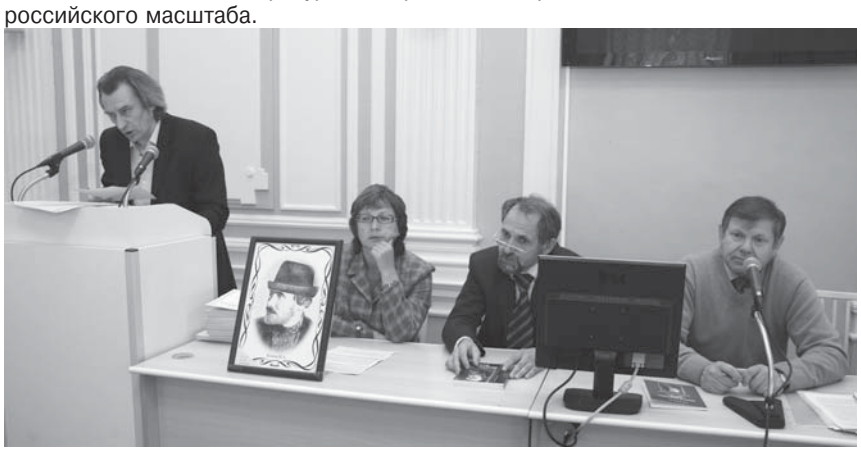
И еще одно знаковое событие в 2010 году — 65-летие Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов. Этому празднику будет посвящен специальный выпуск «Большой медведицы», где мы вспомним наших учителей — писателей и поэтов-фронтовиков.

К сожалению, на Большом Урале никто из них не дожил до этого светлого праздника. Последним ушел Венедикт Тимофеевич Станцев, чьи строчки из поэмы «Смотрю я памяти в глаза...» вынесены в заглавие передовой статьи. Закончив перед самой войной учительский институт он ушел на фронт и вернулся с Победой, и не только писал блистательные, честные и мужественные стихи. Будь за плечами Венедикта Тимофеевича только это — его имя уже заслужило бы благодарность потомков. Но он стал наставником для многих уральских литераторов. Своим учителем считают Станцева Герман Иванов и Андрей Комлев, Ювеналий Глушков и Владимир Блинов, Вадим Дулепов и Евгений Бунтов... Спасибо Вам, Учитель!

ТОМСК

ВСПОМНИЛИ О НИКОЛАЕ КЛЮЕВЕ

Первые Всероссийские Клюевские чтения прошли здесь в конце прошлого года. Вместе с Шишковскими чтениями, которые Томская областная писательская организация проводились в прошлом году, Клюевские чтения, по заявлению председателя местной писательской организации Геннадия Скарлыгина, станут не только главными литературными праздниками региона, но и событиями всероссийского масштаба.



В работе нынешних Клюевских чтений приняли участие председатель Томской областной думы, член Союза писателей России Б.А. Мальцев, заместитель губернатора И.В. Самокш, начальник областного департамента культуры А.А. Кузичкин, а также сопредседатель правления Союза писателей России, руководитель Ассоциации писателей Урала А. Б. Кердан, секретарь правления Союза писателей России, главный редактор журнала «Сибирские огни» В.А. Берязев, секретарь правления Союза писателей России, директор Дома литераторов Кузбасса Б.В. Бурмистров, старший научный сотрудник Института мировой литературы Российской Академии наук С.И. Субботин, заведующий отделом критики журнала «Наш современник» С.С. Куняев, учёный секретарь Есенинской комиссии Института мировой литературы Российской академии наук М.В. Скороходов и другие писатели и исследователи.

В эти же дни была вручена Всероссийская литературная премия имени Николая Клюева. Первыми её лауреатами стали: поэт и прозаик, член Союза писателей России Борис Климычев, известный критик и публицист Сергей Куняев, поэт Борис Бурмистров, профессор Томского государственного университета, член Союза писателей России Александр Казаркин.

В областной библиотеке имени А.С. Пушкина в рамках клюевских мероприятий состоялся конкурс чтецов. Стихи Н.А. Клюева читали старшеклассники школ Томска и Северска. Отдельным подарком ко всем чтениям стал третий номер литературного журнала «Начало века», который был полностью посвящён творчеству Николая Алексеевича Клюева. По итогам чтений было решено в 2010 году открыть в Томске, где русский поэт закончил свой жизненный путь, бронзовый памятник ему. К слову, тоже первый в России.

Соб. информ.

ХАНТЫ-МАНСИЙСК

У ПИСАТЕЛЕЙ ЮГРЫ

На свою очередную отчетно-выборную конференцию в конце декабря 2009 года собрались писатели ХМАО-Югры. В год кризиса писатели съехались в столицу округа впервые за многие годы за свой счет... Впрочем, это не помешало их деловому настрою. С отчетным докладом выступил председатель правления окружной писательской организации Н.И. Коняев, в прениях выступили Ю. Вэлла, Н. Смирнов, М. Вагатова-Волдина, С. Козлов, В. Михайловский и другие писатели. В работе конференции приняли участие заместитель директора Департамента информационной политики округа Юрий Устенко, сопредседатель правления Союза писателей России Александр Кердан, председатель Тюменской областной организации Союза российских писателей Николай Шамсутдинов. Новым председателем правления была избрана поэт, кандидат филологических наук Ирина Рябий, а Николай Коняев стал ответственным секретарем организации.

Александр БОРИСОВ

КИРОВ

ИЗБРАН НОВЫЙ ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

В канун Нового года состоялось отчётно-перевыборное собрание Кировского отделения Союза писателей России. Созвали его раньше срока — состав правления, избранного в конце 2007 года отработал два года вместо положенных по Уставу трёх. Причина — ушёл в отставку по состоянию здоровья председатель Валерий Фокин. В отчётном докладе было отмечено, что организация заметно омолодилась, только в истекшем году по итогам Всероссийского семинара молодых в Сургуте приняты в Союз писателей России двадцатидвухлетние поэтессы Наталья Панишева и Маргарита Чикалина. В то же время активно работают ветераны. Лауреат многих литературных премий Владимир Ситников, готовящийся отметить 80-летие, выпускает книгу за книгой прозы, много выступает перед населением в самых отдалённых районах, областной драматический театр готов принять к постановке его очередную пьесу. Хорошей традицией стало проведение литературно-музыкальных вечеров в Вятской сельскохозяйственной академии, на которые, как правило, собираются по 500–600 студентов. В прошлом году вечер был посвящён Году молодёжи, выступали на нём и поэты-школьники из творческой студии «Парус» при областной педагогической газете «Я расту», и более старшие авторы — участники областного литературного объединения «Молодость», которому исполнилось уже 46 лет, и, конечно, члены СП России.

Председателем организации был избран В.И. Морозов, имеющий опыт работы и в правлении, и как референт Кировского отделения СП России, и как руководитель литобъединения «Молодость». Владимиру Игоревичу 56 лет, по образованию он лесовод, учился на Высших литературных курсах, автор многих книг о природе. Собрание выразило уверенность, что традиции вятской литературы, уходящей корнями к творчеству таких знаменитых писателей как Александр Грин и Николай Заболоцкий, будут сохраняться.

Валерий ПОНОМАРЁВ

ЧЕЛЯБИНСК

КАК ЖИВОЙ — С ЖИВЫМИ...

Есть в Челябинске, не избалованном знаковыми литературными событиями, необыкновенная премия, носящая имя Максима Максимовича Клайна. Не поэта. Не писателя. Не критика. И даже не журналиста. Хотя именно поэтам, писателям и публицистам вручается эта премия на сцене гимназии №48 — именно здесь работал директором человек с неординарным характером и удивительной судьбой, родившийся в Румынии, австриец по крови, немец по воспитанию, пришедший воевать за Россию против фашистов, получивший на фронте медаль «За отвагу», а после — трудовые лагеря, а потом — работу скотником, плотником... Но когда он, со своим европейским образованием и российским опытом преодоления, стал работать с детьми, всё пришлось к месту: и темперамент, и неугомонность созидателя, и бесстрашие, и большое знание. М.М. Клайн не только превратил школу в специализированную с углубленным изучением французского языка, он вдохнул в ее учеников дух творческой смелости, самостоятельности, поиска, и еще — ответственности, исторической и человеческой памяти.

М.М. Клайн ушел из жизни в 1995 году. А в 2000-м бывшие ученики Клайна: Е.Г. Ховив, челябинский писатель и публицист, руководитель литобъединения им. Михаила Львова и директор Южно-Уральского книжного издательства Виктор Большаков стали инициаторами создания литературной премии его имени. И премия не только состоялась в 2001 году, но и, что самое удивительное, выжила и стала традиционной. Лауреатами литературной премии разных лет были детские поэты и педагоги Николай Шилов (2001 год, за книги «Доктор Муха-горло-нос», «Посвящение в лягушки»), и Нина Пикулева (2001 год, за книгу «Играй-городок» и книги для родителей), прозаик и поэт, директор лицея Александр Попов (2003 год, за книгу «Разговоры с Кристиной»), известный челябинский журналист Михаил Фонотов (2003 год, за книгу «Соловьиный остров»); поэт Ирина Аргутина (2005 год, за сборник стихов «Время поить пески»), председатель Челябинского фонда культуры Кирилл Шишов (2007 год, за собрание сочинений в V томах) и другие. Каждый год учреждались три премии, но в этот год число премий увеличилось до четырех.

29 января 2010 года в 48 гимназии состоялся долгожданный праздник. Зал был заполнен детьми и педагогами, нарядными и торжественными. А «места в партере» заняли лауреаты, «старые» и новые. Директор школы Л.Ф.Седельникова открыла церемонию, и со сцены зазвучали стихи — сначала из уст старшеклассников, представлявших творчество победителей: трое из четырех обладателей Пятой премии имени Клайна — поэты!

Первой взошла на сцену Нина Ягодинцева, удостоенная звания лауреата за сборник стихов «Иная мера». Так же лауреатами стали: Константин Рубинский поэт, педагог, публицист, либреттист за книгу стихов «Развязка»; Марина Юрина (Ромакер) за книгу стихов о мышатах. Людмила Семченко, более двадцати лет проработавшая в этой школе преподавателем литературы, написавшая книгу «Время и судьбы». Ученицы гимназии подарили каждому из лауреатов песню «на чистом французском». И все же — немного о грустном. Среди писателей и поэтов нет ни олигархов, ни даже удачливых бизнесменов, большинство зарабатывает свой хлеб в сфере культуры или образования, где месячный оклад – половина этой самой премии, составляющей 10000 рублей. Вручение премии непросто дается школе. Каждый раз встает вопрос: кто поможет? Удастся ли? Получится? Пока — получается. Очень хочется, чтобы и 90-летний юбилей педагога стал праздником для литераторов Южного Урала, потому что премия имени М.М. Клайна — это не только награда, стимул и почет. Это память о человеке, творившем добро и думавшем о будущем.

Ирина АРГУТИНА

МОСКВА

ДА, ОСТАЁТСЯ СЛОВО ОСИЯННЫМ...

В декабре 2009 года в засыпанном снегом писательском посёлке Переделкино стало шумно, морозный воздух словно потеплел от молодых голосов: здесь уже в 6-й раз проходил заключительный творческий семинар Межвузовского литературного Форума имени Н.С. Гумилева. Как обычно, Форум проходит с февраля по декабрь, и в этом году в нём приняли участие более 570 студентов из 125 вузов Москвы и Московской области, Санкт-Петербурга и Ленинградской области, Челябинска, Минска, Харькова, Саратова, Калуги, Самары, а также из других районов России и стран СНГ. Форум ориентирован на студентов «непрофильных» ВУЗов — тех, кто не занимается профессионально филологией и литературным мастерством. Творческий клуб Московского института радиотехники, автоматики и электроники под патронажем ректора МИЭРА С.А. Сигова последовательно проводит актуальнейшую сегодня политику гуманизации технического образования. Слово как средство формирования самостоятельно мыслящей и гармоничной личности играет в этом процессе ведущую роль.

Аллеи легендарного писательского посёлка, музеи Б. Пастернака и К. Чуковского, писательское кладбище — весь «густой» литературный быт, живая история, — всё настраивало ребят на серьёзную работу и суровые обсуждения первых литературных опытов. В расписных стенах переделкинской библиотеки, в фойе старого корпуса — повсюду звучали стихи и споры о стихах. К началу Форума в этом году вышел специальный выпуск газеты, в котором было представлено жюри, делились впечатлениями лауреаты прошлых лет, рассказывалось о достопримечательностях Переделкино.

Примечательно, что работы победителей творческого конкурса Форума обсуждали и оценивали писатели поколения 1960-х, те, кто сегодня активно работает в литературе. Это председатель жюри поэт и прозаик Алексей Витаков, поэт и автор-исполнитель песен Елена Муссалитина, поэт и драматург Елена Исаева, поэт, и переводчик латинской и древнегреческой поэзии, Максим Амелин, поэт и прозаик Марина Котова, критик и публицист Станислав Селиванов, поэт и публицист Борис Лукин, поэт и публицист Татьяна Кондратова. Помимо «взрослого» жюри работало ещё и молодёжное: прозаики Виктор Бушмин и Дмитрий Меркушов. Почетными гостями семинара стали автор-исполнитель Евгений Муравьев, прозаик Юрий Невский и создатель Академии поэзии Валентин Устинов.

В этом году впервые в истории МЛФ Гран-При — роскошное издание «Рубайята» Омара Хайяма — вручили Анне Жмуровой. Лауреатом единодушно была признана Ангелина Трофимова. Приз Молодежного жюри получил Иван Купреянов.

Форум расширяет свои границы, привлекает к литературному творчеству всё новых и новых студентов-«технарей», которые испытывают вполне объяснимую тягу к поэтическому слову. Ведь юность — пора, когда душа ещё неопытна, когда она открыта всем мировым штормам, и осиянное Слово должно стать маяком, путеводной звездой, спасительным светом.

Нина ЯГОДИНЦЕВА

ТЮМЕНЬ

IX РОЖДЕСТВЕНСКИЕ

3 февраля 2010 года в Тюменской областной филармонии прошли IX Рождественские чтения, посвященные 20-летию возрождения Тобольско-Тюменской Епархии и году Учителя. В рамках чтений проводилась Всероссийская научно-практическая конференция «Духовно-нравственные основы отечественного образования». Открыл чтения и конференцию Архиепископ Тобольский и Тюменский Димитрий, который выступил с основным докладом. Было оглашено приветствие участникам чтений от Губернатора Тюменской области В.Якушева. С обращением к участникам чтений выступили представители ведущих вузов Тюмени и сотрудники Департамента образования Тюменской области и др.

В работе чтений по приглашению Владыки Димитрия, который сам является членом Союза писателей России, приняли активное участие представители Ассоциации писателей Урала: В.А.Быковский, Г.Ф. Куцев, А.В. Овсянников, А.К. Омельчук. Координатор АсПУр А.Б. Кердан выступил на чтениях с докладом: «Русская литература как важнейшее средство духовно-нравственного образования в семье и школе». По итогам конференции была принята резолюция, в которой среди прочих мероприятий предусматривается под эгидой Епархии и АсПУр провести в этом году конкурс школьных сочинений об учителе и конкурс стихотворений Рождественско-Пасхальной тематики.

Соб.информ.

ОРЕНБУРГ

ПАМЯТНАЯ ДОСКА

В Оренбурге 17 декабря открыли памятную доску выдающемуся русскому писателю и нашему земляку Николаю Корсунову. Мемориальную табличку поместили на стене здания областного дома литераторов, в котором Николай Федорович работал с 1997 по 2008 годы. С цветами сюда пришли представители Правительства области, поклонники его таланта, коллеги и родные. Александр Корсунов — главный редактор газеты «Оренбуржье», сын Н. Ф. Корсунова — сказал: «Я благодарен ему за воспитание, за добрый совет. Хочу поблагодарить всех за то, что пришли почтить светлую память моего отца. Сам он ушел, остались его книги, будем читать, помнить его». Напомним, заслуженный работник культуры РФ, член Союза писателей СССР, секретарь Союза писателей России, журналист и общественный деятель, автор двух десятков книг, нескольких пьес и романов, среди которых — известные в стране и за рубежом «Без свидетелей», «Высшая мера», «Лобное место», ушел от нас год назад. В классической русской литературе Николая Корсунова считают продолжателем традиций Шолохова, другом которого долгие годы он был.

Соб.информ.

ЕКАТЕРИНБУРГ

БАЖОВСКАЯ ПРЕМИЯ ВРУЧЕНА

Во вторник 26 января в Екатеринбурге состоялась XI церемония вручения Бажовской премии — одна из старейших литературных премий на Урале, ставшая всероссийской. Героями этого события стали четверо уральских писателей, произведения которых были выбраны из 55 выдвинутых на премию работ. Это челябинский поэт Николай Шилов, написавший книгу в стихах для маленьких детей «Полет над васильками». Вторым лауреатом стала Зоя Прокопьева, также из Челябинска. Бажовская премия присуждена ей за роман «Своим чередом», рассказывающий о России 20–30-х годов прошлого века, о коллективизации, об уникальной способности русского человека выживать в любых обстоятельствах. Евгений Касимов, депутат городской Думы, получил премию за книгу очерков и эссе «Физиология Екатеринбурга». Диплом, медаль с профилем Бажова и денежную премию в размере 50 тысяч рублей вручили также детскому писателю Олегу Раину — такой псевдоним взял себе известный «детективщик» из Екатеринбурга, много издающийся в Москве, Андрей Щупов (ставший в 2008 году лауреатом международной премии имени Владислава Крапивина именно за детскую книгу). «Роман Олега Раина «Отроки до потопа», по мнению членов жюри, — противостоит той «жести», что мы видим в телесериале «Школа», хотя он тоже показывает не только лучезарные стороны школьной жизни».

Каждого из лауреатов во время вручения премии представили члены авторитетного жюри — Андрей Расторгуев, Нина Ягодинцева, Нина Буйносова, Вадим Дулепов, Игорь Сахновский. Премию вручали ее учредители — генеральный директор «Уралдрагмет-холдинга» Николай Тимофеев и автор этих строк.

Вадим ОСИПОВ

ВОСПИТЫВАТЬ НОВУЮ ЭЛИТУ

Уральский институт бизнеса имени И.А.Ильина (ректор — доктор экономических наук, профессор и протоиерей Александр Миняйло) совместно с благотворительным фондом «Русский предприниматель» подготовили и в январе 2010 года начали проект, включающий в себя, помимо профессионального обучения управляющих кадров, еще и комплекс мероприятий по энциклопедическому и духовно-нравственному образованию. В рамках этого проекта запланирована серия научно-практических семинаров по теме: «Русский путь становления духовно-нравственной экономики», в которых примут участие виднейшие экономисты, политологи, писатели и философы современной России. Первым, 23 января сего года перед студентами вуза и заинтересованными горожанами, до отказа заполнившими конференц-зал Екатеринбургской епархии, выступил известный ученый, доктор политических наук, декан Академии дипломатической службы России Игорь Николаевич Панарин (Москва). Поднятые в его выступлении проблемы: «Мир и глобальный кризис», «Создание Евроазиатского Союза в 2012 году», «Мир после распада США» никого не оставили равнодушными.

Соб.информ.

ЖИВАЯ ТКАНЬ БЫТИЯ

Десятая конференция Ассоциации писателей Урала в Нижнем Тагиле

До дважды ровного счета довела свой «послужной список» Ассоциация писателей Урала (АсПУр). На ее десятой конференции, которая прошла 6 ноября в Нижнем Тагиле (Свердловская область), двадцатым членом объединения стала Томская областная организация Союза писателей России. Сам же гостеприимный и сохраняющий свои культурные традиции город именовался на встрече то «нужным», то «нежным».

«Юбилейность» конференции не стала поводом для славословий. Время не то: чтобы выполнить еще прошлогодние обязательства и принять у себя гостей из 16 республик, краев и областей от Волги до Восточной Сибири, а также из Москвы, уральскому городу металлургов пришлось поскрести по бюджетным сусекам. С другой стороны, нынешний кризис поубавил средств и в казне других регионов, так что у литераторов добавилось причин сетовать на отсутствие господдержки. Однако бессильных упреков в сторону власти, ставших обычными на иных писательских встречах, на сей раз тоже практически не звучало.

Не содержал панегириков и плачей и доклад координатора АсПУр, сопредседателя СП России Александра Кердана. Кратко напомнив об истории создания и деятельности ассоциации, ее признанный лидер предложил обсудить будущее. По его мнению, чтобы вновь стать востребованными, писателям необходимо перейти от диссонанса к симфонии. В собственном бытийном и художественном взгляде на мир. В отношениях между писательскими союзами, с Русской православной церковью и другими конфессиями. С властью, наконец.

Симфония, отметил А. Кердан, не исключает собственного мнения, ведь в оркестре у каждой группы инструментов есть особая партия. Вопрос в том, какой эта партия будет у того или иного литератора или писателей в целом. И возможна ли такая самостоятельность.

Девальвация слова, заявил известный критик Леонид Быков, страшнее девальвации рубля или доллара. Однако, опасается он, «разлитературивание» России, похоже, теперь можно только замедлить. И в том числе для этого встречи, подобные конференциям АсПУр, необходимы. Чтобы литераторы могли обменяться плодами своего затворнического труда. Чтобы люди и власти, несмотря на молчание СМИ, помнили, что «письменники» еще не вымерли. И премии, которые подчас отмечают не что-либо из ряда вон выходящее, а существование самого этого ряда, нужны. Что, впрочем, не отменяет необходимости повышать качество произведений.

Доктор экономических наук и одновременно православный священник Александр Миняйло, возглавляющий в Екатеринбурге Институт бизнеса имени И.А. Ильина и привлекающий писателей к преподаванию в нем, призвал воспринимать нынешний недостаток читателей как средство против излишней писательской гордыни. Руководитель организации СПР Ханты-Мансийского автономного округа (ХМАО) Николай Коняев, в свою очередь, предложил считать критерием православия в литературе прежде всего умение писать хорошим русским языком. Стоит, по его мнению, и чаще обращаться на конференциях к художественному разбору новых произведений.

В то же время предприниматель, депутат Свердловской областной Думы и председатель областного Союза офицеров запаса Ринат Садриев как читатель и бывший атеист, а ныне мусульманин напомнил о необходимости воспринимать Россию как не только православную, а многоконфессиональную страну. К осторожности в разговорах на религиозные темы, затеваемых часто с политической подоплекой, призвал и советник губернатора Курганской области Владимир Усманов, предложив одновременно приложить все усилия для сохранения сакральности Великой Победы накануне ее грядущего 65-летия.

Огромную роль творческого общения, которое организует ассоциация, подчеркнула поэт из Челябинска Нина Ягодинцева. Благодаря АсПУр и ее партнерам российская провинция может позволить себе такую роскошь, как региональная литературная газета — вот только бы еще расширить круг авторов «Большой Медведицы». Проводимые АсПУр семинары дают мощный творческий толчок участвующим в них молодым поэтам и прозаикам. Объединяя писателей, ассоциация сохраняет творимую ими живую ткань бытия. Прообразом будущего единого СП России или товарищества писательских союзов, не исключающего, впрочем, идейных разногласий, назвал АсПУр екатеринбуржец Владимир Блинов. А главный редактор журнала «Огни Кузбасса», поэт Сергей Донбай из Кемерово рекомендовал собравшимся свое издание как журнал писателей всей России.

В тот же день после того, как участники конференции сразу в нескольких аудиториях встретились с тагильчанами, в городском драматическом театре состоялось вручение двух литературных премий. Премии имени Д. Мамина-Сибиряка за 2009 год были удостоены:

— Юрий Вэлла (Айваседа) из деревни Варьёган Нижневартовского района ХМАО — за сборник прозы «Ветерок с озера», талантливо и самобытно раскрывающий жизнь коренных народов Тюменского Севера;

— Венедикт Станцев из Екатеринбурга (посмертно) — за талантливое воспевание подвига советского солдата в годы Великой Отечественной войны и выдающийся вклад в развитие военно-патриотических традиций отечественной поэзии;

— Лола Звонарева (Москва) — за серию критических статей, глубоко и талантливо раскрывающих нравственные и творческие искания современных писателей Урало-Сибирского региона;

— Галина Колесникова (Барнаул) — за поэтические сборники последних лет, продолжающие развитие реалистических традиций сибирской поэзии и многолетнюю деятельность по сплочению писательского сообщества;

— Людмила Липатова (Салехард) — за книгу документальной прозы «Сава луца — хороший человек Михаил Броднев», правдиво и талантливо повествующую о выдающемся сыне Ямала;

— Ким Макаров (Челябинск) — за высокое художественное мастерство, явленное в сборнике прозы «Вечерний свет», талантливо развивающем уральские притчевые традиции;

— Константин Скворцов (Москва) — за совокупное литературное творчество, значительный вклад в развитие жанра поэтической драмы, глубокое художественное осмысление истории Урала.

Лауреатами впервые врученной международной премии «Честь и Отечество», которую учредили АсПУр, Уральского отделение Литературного фонда России и Свердловский областной Союз офицеров запаса, были провозглашены поэты Виктор Верстаков и Александр Кердан. Дипломантами премии стали Аркадий Елфимов (Тобольск), Владимир Илляшевич (Таллин) и Николай Салмин (Екатеринбург).

Кроме того, на конференции Ринату Садриеву и тюменскому поэту Николаю Шамсутдинову были вручены учрежденные АсПУр почетные медали «За служение литературе». Новым местом встречи литераторов, как отмечено в резолюции конференции, в 2010 году станет Ханты-Мансийск.

Андрей РАСТОРГУЕВ

***На фото И. Маматова**: вверху — премия поэта-фронтовика В. Станцева вручена его дочерям Галине и Елене; внизу — в зале конференции. На стр. 6 вверху — рабочий президиум; в центре — лауреат премии «Честь и Отечество» В.Верстаков; внизу — выступление перед студентами Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии*

ПОЗДРАВЛЕНИЕ АРХИЕПИСКОПА ТОБОЛЬСКОГО И ТЮМЕНСКОГО ДИМИТРИЯ

Уважаемые члены Ассоциации писателей Урала!

Сердечно поздравляю Вас с юбилеем — десятилетием Ассоциации писателей Урала!

В настоящее время нельзя не заметить, что наше Отечество переживает непростой период: с одной стороны, возрождаются исконные духовные традиции и ценности России, с другой стороны, мы видим, как насаждается потребительское отношение к жизни среди молодёжи. Православная Церковь во все времена давала человеку нравственные ориентиры во всех сферах жизнедеятельности, способствовала сохранению и развитию духовной культуры и традиций народа.

В жизни человека обычно высоко ценят ум, какой-либо художественный талант, устройство и благополучие жизни, житейское благоразумие и мудрость, даже иногда физическую силу. Однако все эти ценности значительно ниже доброй нравственной жизни. Мало того, только доброе направление воли сообщает истинное значение и достоинство прочим человеческим ценностям — уму, художественному таланту, науке, искусству. Без доброго настроения остальные ценности часто обращаются в недостатки человека и причинят ему и окружающим зло, например, ум жестокого человека, сильная воля, но порочного греховного направления. Об этом-то и хочется, чтобы чаще говорили в своих произведениях писатели. Поэтому у русской литературы сегодня особенная миссия — донести мудрость, накопленную веками, до современного человека. Надеюсь, что наша литература сделает тот шаг навстречу современному человеку, который поможет обрести ему собственную дорогу к Богу, к источнику премудрости, к добру, в Царство Божественной правды и истины.

Да дарует Господь членам Ассоциации писателей Урала и всем нам крепость душевных и телесных сил, и Свою неоскудевающую благодатную помощь во всех благих делах и начинаниях.

С благословением и добрыми пожеланиями

Димитрий

Архиепископ Тобольский и Тюменский, Ректор Тобольской Православной духовной семинарии

РЕЗОЛЮЦИЯ X КОНФЕРЕНЦИИ АСПУР от 6.11.09 г.

Заслушав и обсудив доклад координатора АсПУр Кердана А.Б.: «От диссонанса к симфонии», конференция отмечает, что за прошедший год наметились определенные позитивные сдвиги в деятельности организаций, входящих в Ассоциацию: продолжилось укрепление творческих связей между регионами, выпуск совместных книжных изданий, альманахов, осуществляется работа по воспитанию литературной молодежи, стимулированию творческого труда писателей, их активному позиционированию в современном российском обществе.

Конференция ПОСТАНОВЛЯЕТ:

I. Всем организациям, входящим в Ассоциацию, продолжить работу по воссозданию единого литературного пространства в регионе, сплочению творческих союзов в деле возрождения духовности в России.

2. XI конференцию Ассоциации и очередную церемонию вручения Всероссийской литературной премии имени Д.Н. Мамина-Сибиряка провести в Ханты-Мансийске в ноябре 2009 года

Отв. Кердан, Коняев

3. По согласованию с Союзом офицеров запаса Свердловской области и Литературным Фондом России провести очередной конкурс военно-патриотической литературы «Честь и Отечество» и вручить Международную премию осенью 2011 года в Магнитогорске Челябинской области.

Отв. Кердан, Титов, Садриев

4. Продолжить традицию проведения творческих десантов в регионе, выпуск региональных книжных серий: «Библиотека российской поэзии», «МИР», «На разных языках» и др. (в течение периода)

Отв. сопредседатели АсПУр

5. Организовать выпуск альманаха «Чаша круговая» №9 и очередные выпуски газеты «Большая медведица».

Отв. Кердан, Коняев, Титов, Бриль

6. Провести Всероссийское совещание молодых писателей в Каменске-Уральском в июне 2011 года.

Отв. Кердан, сопредседатели АсПУр

7. Совместно с Тюменским Государственным университетом провести в сентябре 2010 года научно-практическую конференцию «Писатели-ученые о будущем России» на черноморской базе ТГУ.

Отв. Кердан, Куцев

8.Установить ежегодный коллективный взнос в фонд АсПУр в размере 3 тыс. рублей для решения организационных вопросов.

Отв. сопредседатели АсПУр

II. Принять в коллективные члены Ассоциации писателей Урала:

— Томскую областную организацию Союза писателей России (председатель Скарлыгин Г.К.)

III. Утвердить Координационный Совет АсПУр в составе: Белозерцев А.К., Быковский В.А., Бурмистров Б.В., Денисов Н.В., Ерофеева-Тверская В.Ю., Кердан А.Б., Казарин Ю.В., Козлова Е.В., Коняев Н.И., Марласов А.М., Моисеев В.Г., Морозов В.И., Овсянников А.В., Рябий И. А., Скарлыгин Г.К., Соколова Т.Ф., Смирнов Н.П., Титов А.Б., Тихонов В.Е., Филимонов В.И., Шамсутдинов Н.М., Шишов К.А.

ДОБРО И ЗЛО В ЖИЗНИ И В ЛИТЕРАТУРЕ

Так уж повелось, что «поэт в России больше, чем поэт», а литература — больше, чем просто литература... «И долго буду тем любезен я народу, что чувства добрые я лирой пробуждал»... Большая русская литература всегда вырастала из зерна нравственности. И как таковая она не только отражала реальность, но и влияла на нее.

Известно, что Максим Горький отрицательно относился к Достоевскому, хотя в его собственном творчестве очень отчетливо видны «достоевские» мотивы. Почему? Да потому Достоевский сказал о человеке вообще и о русском человеке в частности **правду** — но такую правду, которую человеку лучше о себе не знать. «Есть много правд, которые человек не должен знать о себе. Это правда о том, что должно исчезнуть».

Вспомним горьковскую пьесу «На дне». Лука говорит неправду, явную неправду, но **красивую** неправду. Он всех хочет примирить, он всем желает добра, и чем это кончается? Актер удавился!

Но у Горького в «На дне» есть и ситуация, противоположная той, что была с Актером. Это — из рассказа Луки о **Праведной Земле.**

Жил на свете человек и верил, что есть Праведная Земля и когда ему будет совсем плохо — он туда уйдет. Но появился в том городке ссыльный ученый, к нему приходит тот человек и просит показать на карте, ***где*** Праведная Земля. Разложил ученый карты: все земли есть, а Праведной нет. Тут его этот человек вначале ударил по уху:

— Какой же ты ученый, если Праведной Земли нет?

А потом — как и Актер — удавился.

Одного убили правдой, другого — красивой ложью.

Влияние жизни на литературу — это ясно. Сильные писатели или поэты свидетельствовали о том, что видели (за исключением соцреализма), т.е. жизнь формирует литературу. Но и литература, с другой стороны, влияет на жизнь. Вспомним четвертый сон Серы Павловны — страшный сон советских школьников. Ведь на нем выросли наши первые революционеры. А горьковские «Песня о Буревестнике», «Песня о Соколе» — как они призывали к революции! «Безумству храбрых поем мы песню!» Буря, скоро грянет Буря! Это призыв, клич. И накликал таки! И, наконец, все мы вышли из «Шинели» Гоголя.

Разумеется, у каждого народа и в каждое конкретное время — свое понимание добра и зла. И это тоже отражалось в литературе. Ведь о национальном менталитете трудно говорить безотносительно к эпохе. Вот ведь ремарковских мальчиков — солдат *первой мировой* ужасает возложенная на них обязанность — **убивать пусть даже в бою**. И «двадцать лет спустя» появились немецкие «мальчики» времен Третьего Рейха, среди которых нашлись миллионы палачей, спокойно загонявших ни в чем не повинных людей в газовые камеры. Или как-то по-иному участвовавшие в этом жутком процессе. А еще десятилетия спустя — уже другим немецким мальчикам, которым — очень многим, тому есть свидетельства — стыдно, что они немцы, потому что были газовые камеры. У них такой иммунитет против нацизма, какому большинство в мире может позавидовать. О чем это говорит? Да о том, что в любом национальном менталитете изначально сидит **очень многое и очень разное**, и можно «вызвать» из массового национального сознания такую жуть, что мир содрогнется, и наоборот — **ужаснувшись себе**, народ может измениться до неузнаваемости. Но, тем не менее, при наличии этого **разного** есть и некие общие черты национального менталитета, а отсюда — и свои представления о добре и зле.

Но все же — эволюционирует ли человечество в смысле нравственности, и если да, то в какую сторону? То есть — мы стали добрее или злее, чем наши пра-пра-пра... Это вопрос интересный.

Эволюция способности к убийству

По Эмилю Золя, на убийство толкнуть может только безумная страсть. По разуму убить нельзя. В «Человеке-звере» Золя есть человек машинист Жак Лантье, в котором есть потенциал маньяка (в нашем понимании) — и он это героически в себе сдерживает. И руководит им «возмущенный голос цивилизованного человека» или «вековой закон»? Этот закон «Убивать нельзя» переходит из поколения в поколение. Но когда его любовница пытается склонить его к убийству «по расчету» — своего надоевшего и вообще деградировавшего мужа — он пытается как-то рационально обосновать оправданность убийства, его аргументы очень напоминают раскольниковские, но в итоге — «Он не убьёт, он не может убить беззащитного человека. Одних доводов рассудка для убийства мало. Только свирепая страсть»...

Опыт последнего столетия свидетельствует о другом. Есть необоснованные сверхжестокие коллективные убийства, а есть — и нередки — и убийства исключительно «по разуму»: вот выгодно — и всё, а размер выгоды часто не имеет значения. Это вам скажет любой отечественный опер или западный полицейский.

А теперь взглянем немного под другим углом и сравним для интереса нашего родного уральского Николая Коляду и не менее родного со школьных лет Федора Михайловича Достоевского. У Коляды мы видим продолжение традиции «Достоевского» человека, сочетающего в себе добро и зло, причем — в непредсказуемые моменты и в непредсказуемых формах. Добро и зло здесь — словно бы в виде приступов, как будто бы болезни. А в промежутках между приступами — равнодушие на грани отключения, почти сна.

У Достоевского — «широк русский человек, надо бы обузить». Коляда преднамеренно изображает маргинальные или полумаргинальные слои, потому что там — как у детей — всё более явно, отчетливо, неприкрыто.

У Достоевского тоже — мрачные обстоятельства жизни (трущобы петербургские, грязь, скученность), тоже — **в одном человеке «полюса» добра и зла**, и **один человек** способен на **противоположное**, но у Достоевского — есть **общая линия** восхождения из бездны — к вершинам добра и даже святости (Раскольников, Митя Карамазов), а у Коляды — **сплошной поток**, случайное чередование «приступов» добра и зла. Люди изменились? А может быть современным авторам и не нужен этот «рост» человека, в него просто не поверят?

Но обратная сторона этих «полюсов» — невыполнимость для большинства абсолютных требований. Мы требуем от людей соответствия идеалу, а если уж нет — так что уж там, всё спишется, всё простится, все грешны. Семь бед — один ответ. Может быть, это тяготение к «полюсам» и породило изначальную «антибуржуазность» русской литературы. В буржуазной системе координат главенствуют **мера** и **число**.

1. Для русской литературы XIX в., как и для советской — характерна **антибуржуазность** (за редким исключением). Человек, осознанно строящий богатство и карьеру — принадлежит к пространству Зла. Раскольникова — убийцу двух человек — можно понять.

Тут страсть и страдание!

А вот Лужин — типичный буржуа — **на нем крови нет** — с его «теорией целых кафтанов» — омерзителен.

Даже у Гончарова — наименее «антибуржуазного» писателя — **Обломов — любим**, а **Штольц —** только **«понимаем»**.

Так уж у нас повелось. Мы, разумеется, готовы полюбить человека, который ради ближнего снимет с себя последнюю рубаху (хотя поймем, скорее, того, который, наоборот, снимет зимой с женщины её последнюю меховую шапку, да, пожалуй, при соответствующем преподнесении такой человек и поинтереснее будет). А если — по-буржуазному — отдать, но не последнюю, дозировано, чтобы и самому одетым остаться, и ближним от тебя стало лучше, чем было бы без тебя, так это уже — по-нашему — презренная лужинская «теория целых кафтанов». Вот так у нас, в России — всё безмерно. Если рубаха — так последняя. Почему нельзя отдать предпоследнюю или предпредпоследнюю или даже одну из десятка. Ведь это тоже добро.

Результат — мы сами делаем власть безнравственной, несущей зло, **не прося, даже не требуя от неё добра. Мы сами не даём добру проявиться**, во-первых, в себе, боясь, что нас примут за «чудаков», и в других, не обращаясь за помощью ни к соседям, ни к нашим богатым.

У нас — «полюса». С одной стороны — **всё позволяем**, ничего не требуем, параллельно — ненавидим, при переходе «критической массы» — «бунт бессмысленный и беспощадный». Готовы **в душе** «простить» только в случае снятия «последней рубахи». Как многие в России уже в душе простили Ходорковского за былое «олигаршество». Всё отдел, «принял страдание» (по Достоевскому).

Но таких **крайних** случаев — не может быть много.

А **просто** проявлять доброту нашим «богатым и знатным» невыгодно — хуже будут относиться, **всё равно — не доверять**, и как раз у такого, кто чем-то готов пожертвовать — не по приказу сверху, по внутреннему зову — скорее найдут нарушения (которые есть **у всех**), именно его заподозрят в «отмывании», и он-то первым пойдет за решетку. Вот и получается, что мы формируем у наших «богатых и сильных» психологию: ухватил — пользуйся и охраняй ухваченное.

Разумеется, никому неохота расставаться со своим, пусть даже **лишним**, и западные богатеи – не исключение. Но там уже создалась некая общественная мораль, в рамках которой не делиться (помимо налогов, на благотворительность) — стыдно, использовать неоплачиваемый, по существу рабский труд — стыдно, тратить даже **своё** на какую-то очень уж бросающуюся в глаза роскошь, — стыдно. Общая атмосфера такая. И в этой атмосфере и рождается то, что мы называем «социальным обществом», которое мы пытались построить силой.

Другая сторона этой «широты» нашего человека — непредсказуемость, которая чаще выявляет в человеке зло, чем добро. Причем в наше время потенциально число способных на зло довольно-таки сильно выросло. Кто-то трусоват, кто-то слишком ленив, кто-то и так богат и славен — и ему это не нужно. Пока не нужно. Но меняются обстоятельства — и могут поменяться люди. Вы помните, как в 90-е годы с виду вполне приличные мужчины из НИИ и ОКБ заводов, вдруг сделавшие немыслимые ранее карьеры и деньги, массово бросали своих жён, поблекших в процессе воспитания их детей, а также равноправного добывания хлеба для семьи (у нас же равноправие между...), на самом же деле даже и не так. Если класть шпалы, опиливать облой с деталей (я сама была в литейном цехе, я это видела, а главное запах там такой...), ну а где работа повыгодней да почище — там больше сильный пол у нас был). Так вот они массово бросали своих жён и женились на молодых и красивых. Стреляли тогда много, в 90-е годы, борьба шла за заводы и деньги — часто с летальным исходом — те стреля-

АВТОРА!

Слава Мееровна Рабинович — поэт, переводчик, член Союза российских писателей, автор художественно-публицистических книг. Открыла российскому читателю классика американской поэзии Эмили Диккенсон, выполнила новые переводы «Песни о Гайовате» Г. Лонгфелло и «Охоты на Снарка» Л. Кэррола. Живет в Екатеринбурге.

ли, кто бы в советское время и помыслить об этом не мог, ну а уж предавали друг друга, брат брата, ну а уж обманывали — это уж цветочки. То есть зло зависит от обстоятельств, т.е. от конкретного времени и конкретного пространства, где зарождаются данные обстоятельства, в то время как добро почти что стабильно: то есть всё те же вечные 10 заповедей. И его никогда не бывает (и не было, и не будет) много!

В общем — **разное** есть в человеке. В жизни — разное. А в литературе? В чем её смысл — **в правдивом отражении реальности** или **в создании недосягаемых образов**? И нужен ли вообще тот самый «положительный герой», о котором спор шел на протяжении всего советского времени. Помню ощущение какого-то открытия, когда в нашей литературе появились «полутона» — **разное** в одном человеке. Таким открытием стали для меня «сложные» герои Ю.Трифонова. Именно сложные герои — они-то и есть самые интересные).

Вот в **«Доме на Набережной»** кто он — главный герой, всё-таки — человек с совестью или подлец, отказавшийся от Учителя? А и то, и другое в одном лице.

Итак — есть «положительный герой», зовущий куда-то ввысь. Как легко на этом пути впасть в грех **обмана**, сознательного манипулирования. Мы, писатели, уже в силу нашего рода занятий немало в этом преуспели.

Вообще среди предметов зла — одним из самых страшных, при кажущейся нестрашности, является **ложь, обман,** во-первых, из-за страшного объема испускаемой лжи, сверху — от сильных мира сего, на параллельном уровне — другу — друг, брату — брат, сын или дочь — отцу или матери — и наоборот, муж — жене и наоборот, бедные и слабые тоже лгут — чтобы выжить. То есть всё целиком пронизано ложью. Ложь у Данте — в предпоследнем круге ада — она даже злее насилия. Последнее — предательство — предать ближнего в руки врагов, и значит, смерти. А повыше, в 7 круге — насилие. Ложь хуже, потому что она **притворяется добром**, тогда как прямое насилие — явно.

А изображение несуществующего как реального и, более того, должного — не есть ли это тот же самый обман — сакральный, страшный, ибо он воодушевляет людей на самопожертвование, бросает их на амбразуры — и далеко не всегда в правом деле? Но не есть ли это, с другой стороны, та самая ложь во спасение, которая реально делает людей **лучше**, позволяет преодолеть себя реальных — во имя идеала? В общем — спор это вечный, тот самый спор, который идет в горьковской пьесе «На дне»? Кто есть Лука? Спаситель, который красивой ложью воодушевляет **подняться**? Или — циничный манипулятор, чья ложь Добра всё равно не принесет (воодушевленный Лукой Актер — удавился)?

Есть и другая сторона, уже более прагматическая.

О «положительных героях» в литературе

«Добрые герои», увы, не так интересны.

Вот как Платон Каратаев у Льва Толстого.

Да и Пьер Безухов — тоже какой-то «округлый».

А вот князь Андрей с его страстями, не всегда добрыми — куда интереснее.

И у Достоевского его «страстные» Раскольников, Митя или Иван Карамазовы или Рогожин — **грешные, виновные** — ну вот интереснее его безукоризненно добрых князя Мышкина или Алёши Карамазова.

С другой стороны — просто фиксировать реальность как неизменную данность — зачем? Это всё равно как врачу записывать историю болезни — «вот тут хуже, а теперь вот тут, а теперь ещё и тут» — и даже не пытаться лечить, даже стыдиться таких попыток. Сразу признать — больной обречён, и зачем дергаться.

А лечить — есть что. И сами люди, живущие в этой реальности, не только, по Луке горьковскому, хоть и **«серенькие»** — но «подрумяниться **желают»**. Они на самом деле хотят **подняться**.

Уходят из обихода, и из литературы тоже, такие слова, как стыд, совесть, верность, преданность, нежность, женственность, да простое слово «добрый», «добрая душа» — вы почти нигде сейчас не услышите. А слово «душа» вообще стало чуть ли не стыдно произнести, даже в стихотворении. Дескать, устарело оно. Скоро в словарях напротив слова «душа» будут писать «устаревшее». То есть литература тоже чурается этих слов, как немодных, вышедших из употребления. Но, с другой стороны, ведь не может **душа** выйти из употребления. Ведь она на самом деле болит — не только у нежных интеллигентов, но и у простых мужиков и баб. Не часто, и не у всех, конечно, — но болит. И люди хватаются тогда за что угодно, чтобы заглушить эту боль — кто-то деньги делает, кто-то женщин меняет, как перчатки, кто-то в казино, а кто-то за книги хватается, но какие книги. В основном ширпотребовские, где кайф, забытьё — в общем всё, что нужно современному человеку.

Может ли литература дать какую-то альтернативу этому забытью?

Итак, как пройти между Сциллой Лжи и манипуляции — Харибдой вообще отказа от даже попыток что-то изменить в обществе.

Итак, как быть с этим самым пресловутым «положительным героем»? Понятно, что в «советском» варианте — придуманный «положительный герой» — не нужен. Но есть же в реальности хорошие люди. Просто человек берёт и на целых два года селит в своей маленькой квартирке — бесплатно — коллегу по школе, приятельницу. Просто человек настроен на добро, на то, чтобы другим людям от его присутствия на земле было лучше. Но они — как будто не интересны. И можно ли их описать без «ходульности»?

Да, безусловно, безукоризненный человек редко бывает интересным. А вот человек, в котором схватка добра и зла, в конце концов, заканчивается в пользу добра, который в ходе этой схватки попадает в невероятные ситуации, при этом вполне правдоподобные, испытывает падения и катарсис, блуждает среди невероятных закоулков — и в конце выходит на дорогу. Освещенную солнцем или ведущую к Храму — такой Человек может и должен стать главным героем — в какой-то замечательной книге, которую будут рвать из рук, и которую будет не достать в библиотеке. Может, её автор уже готовится к ней, а может, он ещё только подрастает или еще не родился. Но такая книга должна появиться.

Слава РАБИНОВИЧ

«...Что натворил Бог...»

— Анатолий Константинович, что знают в Сибири о тенденциях литпроцессов? Или это теперь никого не интересует?

— За всю Сибирь очень сложно отвечать — единого информационного поля — увы! — не существует. Но всё же литературные события происходят. Апофеозом 2009 года явился конкурс «Книга года», придуманный и организованный филологической энтузиасткой, профессором нашего классического государственного университета Натальей Дворцовой. На конкурсе бушуют нешуточные страсти, недурно закручена интрига, очень солидный ареопаг подводит итоги. Ректор ТГУ Г.Н. Чеботарев на заключительных церемониях конкурса предложил, что Тюмени пора бы подумать о сибирском масштабе. Ведь Тюмень — изначальный город Сибири. Так что прослеживается тенденции подтянуть всю Западную книжную Сибирь... потом Восточную и Дальний Восток. У конкурса «Книга года» есть шансы стать всесибирским — и тогда мы будем более осведомлены о литературных процессах на территории всей российской Сибири. О тенденции... Держится сибирская литература!

— А вот кто из современных авторов всколыхнул телерадиокомпанию «Регион-Тюмень»?

— Наша телерадиокомпания серьезно, системно и последовательно занимается, выражаясь старомодно, пропагандой современной литературы. Уже в нынешнем году 3 января отмечал свое 75-летие патриарх тюменской прозы (впрочем, и интересный поэт) Зот Тоболкин. Радио «Регион-Тюмень» повторило спектакль Зота Корниловича «Похоронок не было» (режиссер Виктор Квашнин). На телевидении прошел фильм о писателе — «Сказание о Зоте». Так что начали год с хорошей литературы. Еще одно событие. В Тюмени есть издатель Юрий Мандрика. В Тюмени действует «Клуб 7» — клуб руководителей ведущих СМИ области, который ежегодно выбирает лидеров доверия, лидеров влияния, личностей, определяющих время. Юрий Мандрика назван «Маэстро года». Недавно умер в Иркутске более раскрученный сибирский издатель Г. Сапронов. А у нас в Тюмени свой подвижник — Ю. Мандрика, который тоже умеет делать невозможное. Издает редчайшей эксклюзивности некоммерческие книги.

АВТОРА!

Анатолий Омельчук — известный писатель, директор телерадиокомпании «Регион-Тюмень». Лауреат литературных премий им. П.Ершова, Д.Мамина-Сибиряка, И.Ермакова. Недавно московский пресс-клуб ЦДРИ присудил Анатолию Омельчуку премию имени В.Маяковского за успехи в пропаганде отечественного искусства.

Среди гостей телестудии «Регион-Тюмень» только за последнее время такие интересные фигуры: прозаик Роман Сенчин, поэт Тимур Кибиров, лауреат премии «Национальный бестселлер» Леонид Юзефович, Захар Прилепин в прямом эфире отвечал на любезные вопросы тюменских телезрителей, известный Борис Евсеев, Александр Кердан из Екатеринбурга, литературовед Леонид Быков, литературный критик Евгений Зашихин. Из тюменцев — наш странный поэт Константин Михайлов, литературный критик Наталья Дворцова, поэт-«охальник» Владимир Богомяков, знаменитый Мирослав Немиров. Нашу студию не пропустил Владимир Крупин — один из крупнейших русских писателей. Валентин Распутин, когда бывает в наших краях, обязательно заезжает на студию «Регион-Тюмень». Детский писатель Владислав Крапивин. Пролетом из Тель-Авива — Игорь Губерман... ГТРК «Регион Тюмень» среди региональных компаний России, конечно же, в этом писательском отношении работает последовательно. Кто из писателей всколыхнул? По-разному, по-разному...

На днях в прямом эфире состоялась встреча наших телезрителей с великой ненецкой писательницей Анной Неркаги. После долгой, почти тридцатилетней разлуки с Тюменью Анна Павловна появилась в студии «Регион-Тюмень». Экспромтом участвовал в этой встрече Архиепископ Тобольский и Тюменский владыка Димитрий. Темы беседы касались важных, сложных проблем, взволновавших и нашу аудиторию, которая активно была вовлечена в обсуждение миссионерской подвижнической деятельности православных священников на Севере, работа с коренным населением: ненцами, хантами, селькупами. Владыке есть чем поделиться — он посвящает этому большую часть своего времени. Ежегодно бывает и в Байдарацкой тундре у выдающейся писательницы современности Анны Павловны, которая на свои деньги построила в Заполярье православную часовню и организовала в предгорьях Полярного Урала детский лагерь для сирот. В прошлом году Архиепископ посетил и городище древней Мангазеи на Ямале. Беседа в студии столь необычных, самобытных гостей с элементами полемики, порой острой дискуссии задела «за живое» всю тюменскую аудиторию.

Я думаю: это было явление Анны тюменскому народу. К ее приезду «угодило» по времени издание частного издателя Юрии Мандрики трехкнижия Анны Неркаги: повести «Илир», «Белый ягель» и ее великий роман «Молчащий». Телевидение «Регион-Тюмень» показывает тюменских писателей во всех их многогранных человеческих ипостасях.

Анна Неркаги, пожалуй, всколыхнула всех наших телезрителей. 30 минут — буквально шквал звонков: вопросы, вопросы, просьбы, даже совета просили.

— Следующий вопрос, Анатолий Константинович, вытекает из преды-

ОКОНЧАНИЕ НА СТРАНИЦЕ 8 ⇨

ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО НА СТРАНИЦЕ 7

дущего. Кого из писателей Вы хотели бы пригласить сегодня? И не только! Еще и экранизировать, а, может, и сделать сериал.

— Пригласить лично я хотел бы Олжаса Сулейменова, автора замечательной книги «Аз и Я» (Азия). Не получается пока... Мирового масштаба поэт, серьезный, самобытный исследователь. Он сосед, из Казахстана. Пока не складывается.

Что касается экранизации и сериалов... Региональное телевидение не располагает такими сумасшедшими финансовыми возможностями. В Ханты-Мансийске Олег Урушев (телекомпания «Югра»), правда, пытается делать сериалы. Сериалы требуют денег... Думаю: годовой бюджет нашей компании едва ли вытянет одну серию. Но хочу сказать, что телевидение «Региона» документальные сериалы производит. В год мирового кризиса имени Б. Обамы мы решились, рискнули и показали хороший, профессиональный сериал документальных фильмов о сибирских подвижниках, в земле Сибирской просиявших. О Петре Полянском — местоблюстителе патриаршего престола, который отбывал сталинскую ссылку на Севере, в районе современного Надыма — «Дело № 5938» (автор Ольга Михайлова, режиссер Вера Федорова, телеоператор Сергей Лыкасов), о Филофее Лещинском, митрополите Тобольском и Сибирском — «Апостол Сибири» (автор Светлана Назарова, режиссер Людмила Борисова, телеоператоры Вячеслав Иваненко, Максим Марченко), о епископе Тобольском и Сибирском — «Священномученик Гермоген» (автор и режиссер Людмила Борисова, телеоператоры Максим Марченко, Вячеслав Иваненко), о первом сибирском святом, отроке Василии Мангазейском — «Дальний свет Мангазеи» (автор Анатолий Омельчук, режиссер Людмила Борисова, телеоператор Юрий Зеленин), в разгаре работа над фильмом о митрополите Иоанне Тобольском — всея Сибири чудотворце. Еще один сериал о великих земляках мы начали в прошлом году. Уже вышел фильм о Дмитрии Менделееве — «Предтеча» (автор Анатолий Омельчук, режиссер Людмила Борисова, телеоператоры Сергей Лыкасов, Юрий Зеленин), в работе фильм «Я вас любил...» о тоболяке А. Алябьеве, авторе и знаменитого «Соловья» и романса на слова Пушкина. О первом сибирском губернаторе Матвее Гагарине — «Евангелие от Матвея». Готовится фильм о Семене Ремезове, строителе Тобольска и Русской империи на просторах Сибири. Такие сериалы — цикловые фильмы «Регион Тюмень» может себе позволить.

— Тогда такой вопрос — а не думали Вы о дискуссионной программе по типу «Культурной революции», где встречаются 2-3 писателя, поэты с разными, полярными точками зрения?

— В истории тюменского телевидения, правда, еще в 20 веке была такая программа «Безнадежное дело». Она была посвящена исключительно тюменской литературе, тюменским персонам литературы. Уже тогда это было безнадежным делом, а уж в 21 веке... Сегодня таких возможностей нет...

— Возможностей на «культурную революцию»?

— В Тюмени мы «культурную» революцию произвели. В России региональных компаний, которые вещают на телеканале «Культура», не наберется и полтора десятка. Мы в числе первой пятерки в лидерах регионального смотрения канала «Культура» и в рейтингах наших собственных культ-программ. Вот это — культурная революция. А на спецпрограмму о литературе сложно найти деньги... Вот в чем проблема! Кстати, в Тюмени канал «Культура» пользуется невероятной симпатией телезрителей. Мы в числе рейтинговых лидеров по предпочтениям зрителей, особенно тюменских вставок.

— Чувствуется, эти литературные и телевизионные события вас порадовали и радуют. А что огорчает писателя Анатолия Омельчука?

— Американский империализм!

— Анатолий Константинович, многочисленные, эксклюзивные акции, которые организует «Регион-Тюмень», результатом некоторых из них становится издание новой книги, тоже часть общего литературного процесса?

— Следует сказать, что телерадиокомпания «Регион-Тюмень» — инициатор и организатор многочисленных благотворительных и других знаковых акций, приуроченных к юбилейным датам в жизни Тюменской области. Журналисты «Регион-Тюмень» всегда в гуще самых ярких и значительных событий, явлений, процессов, в том числе и литературных и культурных. Только в 2009 году к 65-летнему юбилею области телерадиокомпания провела несколько акций: эксклюзивную акцию «Семь чудес Тюменской области» — своеобразное признание в любви родному краю. В составе Большого экспертного жюри работали известный писатель Валентин Распутин, президент РАН, тоболяк Юрий Осипов, председатель Союза нефтегазопромышленников России Юрий Шафраник, руководитель фонда «Возрождение Тобольска», краевед Аркадий Елфимов, ректор Тюменского государственного университета Геннадий Чеботарев, президент Союза нефтегазопромышленников РФ Геннадий Шмаль, «Мисс Мира 2008», студентка Тюменского нефтегазового университета Ксения Сухинова... Одновременно проходило и народное СМС-голосование. Было принято, на мой взгляд, мудрое решение: признать семь чудес Сибири, за которые проголосовали наши уважаемые эксперты, и семь — по итогам народного голосования. Весь год в выпусках «Вестей» — репортажи из самых разных, труднодоступных, удаленных уголков нашей необъятной области. О чудесах природных и рукотворных! О самобытных, талантливых, необычных людях, украшающих нашу жизнь. Итогом этой величественной акции станет издание книги «Семь чудес Тюменской области». Накануне юбилея Тюменского края в Тюменском музее изобразительных искусств организовали выставку тюменских художников — «Великая земля — красивая земля». В ней приняли участие художники Ямала, Югры и Юга области.

К 65-летию нашей области была издана и книга «Тюменская эпоха России» при поддержке Правительства Тюменской области. Идея книги родилась у нас — в недрах нашей компании. В составе редколлегии — директор департамента информационной политики Тюменской области Александр Новопашин (сам он журналист). В книге более 500 страниц — серьезный формат! Прожив с тремя поколениями современников, многое повидав, могу признаться, что современная Россия не могла бы состояться без Тюменской области. В издании «Тюменская эпоха России» — интервью, оригинальные эссе, воспоминания первопроходцев, освоенцев, нефтегазодобытчиков и строителей. Это тюменская история глазами лидеров — крепких, настоящих, основательных мужиков. Раздел «Имя Тюмени» — самый сложный, богатый, неисчерпаемый, своеобразная антология области. Статистика утверждает, что в освоении Тюменского нефтегазового края участвовали 30 миллионов человек великой страны. Получается: каждый пятый россиянин. И каждый из них причастен к тюменской эпохе.

В прошлом году вышла антология «Тюменской строкой». Идея родилась опять же у нас, в нашей компании. К 45-летию тюменской писательской организации поднапряглись и с помощью профессора Юрия Мешкова, члена писательского Союза России собрали материал и издали антологию. Предполагаю, что это единственная, в 20 веке во всяком случае, антология стихов и прозы членов Союза писателей России с 1963 года, когда было создано Тюменское отделение Союза писателей РФ. С первых — Ивана Истомина, Константина Лагунова, Михаила Лесного, Станислава Мальцева, Ивана Ермакова, Ювана Шесталова и тех, кто принят в Союз писателей в наше время, в 21 веке. Едва ли где-то еще сподобились на такую акцию. Трудно представить...

Юрий Анатольевич Мешков активно пишет интересные вещи и помогает в реализации многих наших идей. В 90-е вышла его книга об Александре Солженицыне «Личность. Творчество. Время», года два назад издана его книга «О поэтах, хороших и разных» — литературные портреты поэтов Урала и Сибири. На выходе его свежее издание «Литература Тюменского края (из рабочей тетради литературного критика)». Это историческая ретроспектива, начиная с 1622 года — с упоминания о первой летописи Саввы Есиповского, заведующего канцелярией Тобольской епархии. Свою летопись он закончил 1 сентября 1636 года. Так что этот день можно считать днем рождения сибирской литературы. А что касается антологии тюменских писателей и поэтов, то задумки продолжить эту книгу есть. На территории всей Тюменской области сегодня более 100 членов Союза писателей России. Идею создать полную антологию — написать продолжение книги «Тюменской строкой» не оставляем.

— Появились ли, Анатолий Константинович, в Тюмени имена, достойные всей читающей России?

— До сих пор не получила российского звучания (думаю, она пробьется!) замечательный драматург, руководитель театра «Мираж» из Когалыма, Елена Ерпылева. Её пьеса «До последнего мужчины» — подлинный шедевр.. Наше телевидение делало спектакль по пьесе Елены «Кожица с бедра журавля» (режиссер Эдуард Улыбин). У Ерпылевой, на мой взгляд, большое российское будущее. С удовольствием читаю волнующие рассказы Нурии Беломоиной. Ощущение легкости при подлинной глубине. Удивительное свойство: в малых подробностях разглядеть образ вечности. Свободные интонации, неожиданный взгляд на жизнь. Честные рассказы. Она работает в Сети. Не помешало бы и книгу издать — удивительно свежий, чистый голос.

Открыл для себя давнюю знакомую Анастасию Лапсуй, ямальскую ненку, которая сегодня живет в Хельсинки. Она, правда, работает в сопредельном жанре — делает кино — уже художественное, но еще документальное. Великое кино! Вот тоже... Европа Тасю Лапсуй признала — Гран-При в Париже, Берлине, Государственная премия «Суоми». Признанный мастер нового кино. А родная страна, те же центральные каналы, которые страдают без качественного контента, своего большого мастера в упор не замечают.

Серьезным фактом российского значения, по-моему, является перевод ершовской сказки «Конек-Горбунок» на хантыйский язык, сделанный журналистом из Салехарда Геннадием Кельчиным. Необыкновенное явление — «Конек-Горбунок» в хантыйском переложении, тем более, что в эпосе северного народа ханты и в сибирской сказке удивительно много общего. Сибирский эпос... северные литературы находятся в сложном, если не в плачевном состоянии. Но есть резервы, есть силы. Хорошую книжку издала Лиза Ганопольская... У нас постоянно в теле и радиоэфире великие классики северной литературы: Юван Шесталов, Юрий Вэлло. Недавно показали фильм «Библия тайги» Еремея Айпина.

— Анатолий Константинович, что из прочитанного в последнее время вызвало раздражение?

— Если слово «раздражение» понимать, как раздражение читательских рецепторов, а не просто гнев или другие прискорбные чувства... Что раздражило по-хорошему? В последнее время прочитал по должностным обязанностям книжку питерца Николая Старикова «Шерше ля нефть» и увлекся. Читаю его четвертую книгу. Автор пристрастен, несколько односторонен, но его взгляды на Октябрьскую, Февральскую революции, Ильича, Керенского, на причины Великой Отечественной раздражили... Если даже не соглашаешься, но читаешь. Мы с автором ведем переговоры — возможно, он приедет на встречу с телезрителями и телечитателями Тюменского региона. Его точка зрения не бесспорна, но, думаю, интересна.

На моем читательском столике — сборник «ЛитРосса» «Неизвестный Север» и свежий номер журнала «Неизвестная Сибирь».

— Анатолий Константинович, а что в Вашей чернильнице?

— В прошлом году удалось выпустить книжку «Река возвращается».

— Эта книга автобиографична?

— Пишется не то, что хочется: а то, что пишется. Я так думаю: писатель — организм жизни. Он не проживает чужие жизни... нет. Он живет свою жизнь. Не будем лукавить — у него всего один колодец. Правда, неисчерпаемый. Колодец, который выводит его в космос. Я бы не стал говорить, что «Река возвращается» автобиографична. Если можно так сказать — автожизненна. Авторизованная жизнь.

В прошлом году с Юрием Мандрикой мы издали «Тюменскую книгу». Сейчас отдал ему «Книгу Севера». Надеюсь, будет и «Книга Ямала». Такое трехкнижие... А в чернильнице — книга с рабочим названием «Рисунок ветра на воде». Часть книги написана ? «Тебе в Тибет». О чем книга..? Богу, пожалуй, удались всего две вещи: осень и женщина. Вообще Бог, мне думается, до конца не осознал, что он натворил. Мне сдается, у человека есть божественное поручение — разобраться в том, что же натворил Бог. И это — залог бессмертия. В том числе и отечественной литературы.

Клюквенный сок на картонные латы...

Материалы прошлого номера, посвященные состоянию современной фантастики, вызвали ряд читательских откликов, один из которых редакция «БМ» с удовольствием представляет вашему вниманию.

1.

Говорить о путях развития современной фантастики — занятие неблагодарное и пустое. Почему? Потому как путей этих, по сути, нет.

Течение фантастики в прежние годы можно было хоть как-то классифицировать, втиснуть в некие берега.

40-50 годы — время фантастики технической, литературы ледяных дамб и новых способов добычи нефти, подземоходов и сверхдальних самолетов. Ранние Г. Гуревич, В. Сапарин, И. Ефремов, зрелые В. Немцов, В. Охотников, А. Казанцев, Н. Томан. Скромные попытки выйти за круг трактуются как попытка к бегству. Всеволжский пишет маленькую повесть «Судьба прозорливца», главный герой которой — некий моряк из буржуазной страны — обладает даром чтения мыслей, благодаря которому предотвращает провокацию против советских граждан. Абсолютно благопристойная сатира на западные нравы объявляется образчиком мракобесия, популяризацией лженауки. Вывод: «авторы, отрывающиеся от нашей действительности... исключают себя из советской литературы, их «произведения» народу не нужны».

Конец 50-х и середина 60-х – это время фантастики исследования, поиска, прощупывания новых тем. Прорыв в дальний космос, открытия в физике, биологии, реабилитация кибернетики. Г. Альтов и В. Журавлева, М. Емцов и Е. Парнов, ранние Стругацкие, Е. Войскунский и И. Лукодьянов, А. Громова, А. Днепров, Г. Гор, И. Варшавский — всех не перечислишь!.. Это десятилетие справедливо именуют золотой эрой НФ. И хотя в 60-е споры о том, «что такое фантастика», и о чем должны писать фантасты, все еще активно продолжаются, нападки критиков уже не носят директивный характер.

Фантастика 70-х годов уже уверенно ставит во главу угла Человека. Кто он, каково его место в мире, и какой он должен быть, этот мир? Каждый к ответу на эти вопросы идет своим путем. И. Ефремов пишет «Час Быка», выходит «Малыш» и «Пикник на обочине» братьев Стругацких. Появляются последние «настоящие» утопии советской эпохи — «Плеск звездных морей» Е. Войскунского и И. Лукодьянова, «Вечный ветер» С. Жемайтиса. В полной мере раскрывается талант Д. Биленкина, К. Булычева, С. Гансовского.

Перейдя из области техники и науки в область человековедения, фантастика, разумеется, многое обрела, но и... немало потеряла. Мастера, развязывая крылья себе, одновременно развязали лапки и десяткам посредственных литераторов, которым в прежние времена путь в фантастику был заказан. Если раньше для написания даже рассказа автор должен был обладать определенными знаниями в тех или иных областях науки и техники, то теперь это не требовалось. Вдруг оказалось, что никакой научной базы не нужно, и никто не ожидает от тебя новых идей. А вот психология, нравственные коллизии?.. Да ради бога! Неужто вы думаете, что мы людей не знаем?!

Отказ от технической идеи или научной гипотезы как доминанты фантастики и был, на мой взгляд, одной из причин вырождения ее в 80-е годы, а не только кивки (справедливые) на гнёт застоя. Писатели бродили по жанру, как по хорошо знакомому парку, избирая протоптанные дорожки. Ситуации, случаи, парадоксы, зарисовочки. Поругивания западного образа жизни, отправка космонавтов к неведомым мирам, прилет пришельцев на Землю... Цветы, как приемники космических сигналов (М. Грешнов «О чем говорят тюльпаны»). Забор, как ретранслятор изображений с Альфы Центавра (Г. Разумов «Зеленый забор»). Русская песня, пробуждающая к жизни космонавтов (А. Хлебников «Последнее средство»). Песня матери, простите за повтор, пробуждающая к жизни космонавта (И. Росоховатский «Ритм жизни»). Голос матери, помогающий космонавту в дальнем полете (В. Бережной «Голос матери»). Фантастика? А как же! Публикаций много, фантастику охотно печатают, но авторам большинства рассказов и повестей хочется задать один и тот же вопрос: «Ну прочитал, ну и что?»

А ничего. Пишем и пишем. Течет река и течет...

И вдруг — течение оборвалось, воды вынесло на открытый простор.

Писать стало можно о чём угодно и как угодно. Что это именно так, сразу же доказали Вилли Конн с незабвенными «Похождениями космической проститутки» (как оказалось, бывшими всего лишь «цветочками» по сравнению с нынешними «ягодками»), и Эрнст Малышев с кипами своих опусов.

Ныне единой реки нет, а потому говорить о том, что ждет фантастику дальше по течению — бессмысленно. А что же тогда есть? Есть обширный океан со своими морями — морем Фэнтези, Альтернативной Фантастики, Сказочной Фантастики, и другими. Подобно Гондване распластался материк Стругацких. Вокруг высятся архипелаги Перумова, Олди, Дьяченко, Лукьянова, Лукина, Васильева — и десятков других авторов, входящих в обойму первых. Меж ними — россыпи более мелких островов. В океане тесно, как в коммуналке, но сейсмика жанра активна, и ежегодно со дна этого океана поднимаются все новые и новые вулканические острова-имена.

Однако, глядя на это «безумство природы», вдруг ловишь себя на мысли, что слишком серы и безжизненны эти многочисленные земли. Откуда такое ощущение? Ведь, если разобраться, сейчас в жанре работает намного больше талантливых авторов, чем даже в «золотую эпоху», а книги выходят не в пример чаще! Наверное, оттого, что и посредственностей стало на порядок больше. Поэтому я предлагаю уйти от философских обобщений и поговорить — и критикам, и писателям, и читателям — о качестве нынешней НФ.

2.

А поговорить есть о чем.

Терри Пратчетт назвал одну из своих повестей «Только ты можешь спасти человечество». Просмотрите аннотации романов и вы убедитесь, что этот рефрен проходит красной нитью, нет, канатом, через десятки современных фантастических книг! Герой-одиночка умело громит вражьи силы в лице зеленых, красных и синих человечков. Нередко он, никак не объясняемым способом, перемещается в прошлое и начинает кроить его по своему разумению, творя налево-направо добро и попирая зло в лице графов, пришельцев, королей и красных комиссаров. Бушков, забросивший своего Сварога за тридевять веков («Рыцарь из ниоткуда», 1996) и представить не мог, сколько сержантов и капитанов, каратистов и самбистов, а также просто суперкрутых разлюли-героев полетят-попрыгают вслед за майором по этой дорожке!..

Я далек от мысли чесать всех под одну гребенку. В том же приведенном списке половина книг написана опытными литераторами и с хорошим качеством, но разве не может не настораживать столь скудный набор сюжетов, предлагаемый такими разными авторами читателю?

Современная фантастика — в своей массе — несет читателю не ИДЕЮ, а СЮЖЕТ, приключение. Она стала частью (и немалой!) коммерческой литературы, стала товаром, который обязан найти своего потребителя. И этой данности вынуждены следовать не только начинающие, но и маститые авторы. Ведь они — не властители душ, но — брэнды, которые обязаны выдавать нагора новые и новые романы. Дайте нам Головачева, Олди, Перумова! Дайте, дайте! И дают. А в затылок дышат молодые-ранние, которые уже насмотрелись на «героев-засланцев», и горят желанием написать о похождениях своих майоров и капитанов. Издатели демонстрируют свой вариант «Фабрики звезд», объявляя талантами и охотно печатая тех, кто умеет писать много и достаточно интересно — иного не требуется. Иное может обеспечить немногочисленная прослойка пишущих для интеллигенции: умно, парадоксально, хорошим языком, с нетривиальным сюжетом — В. Пелевин, В. Рыбаков, А. Столяров, Б. Стругацкий, или, скажем, балансирующие на границе между этими группами В. Звягинцев, А. Лазарчук — умеющие подать серьезные мысли в соусе хорошо закрученного сюжета. И у них есть пришельцы, смертельные схватки, провалы в прошлое — но не клюквенный сок на картонные доспехи капает там, а настоящая кровь.

3.

В одной из статей В. Журавлева указывала на то, что «у писателя нет права на художественную беспомощность, на бесцветный, стертый язык, на корявые фразы» . Прошло сорок лет — а утверждение актуально до сих пор. Небрежность, непродуманность, авторские и редакторские недоработки, казенный язык — нередкий гость на страницах фантастических книг не только второго и третьего, но и первого ряда.

Открываю журнал «Мир фантастики» с рассказом признанного мастера В. Головачева «Соло на оборванной струне». Что это? Впечатление такое, будто выдрали несколько страниц из конспекта большого романа: ни намека на характеры, один голый сюжет. Да, идея интересна и решена со свойственной Головачеву масштабностью, но язык, которым это сделано... Да еще эти непонятные огрехи... В рассказе появляется корабельный компьютер Добрыня, который через несколько абзацев... вдруг превращается в Умника, и остается таковым до конца повествования. Автор в пылу погони за сюжетом мог не заметить собственного ляпа, но ведь есть же редактор и корректор... Да и литератор после написания произведения вроде бы как должен перечитать свое творение свежим взглядом. И таких несуразностей в публикации несколько...

Что это, как не «давай, давай!»? Поскорей давай, не заставляй ждать читателя, читатель тебя любит, читателю нужен брэнд!..

Или вот: С. Лукьяненко в одном из своих отнюдь не юмористических романов «изъял» из земной коры все железо. И совсем не подумал, что вместе с этим металлом... исчезнет и магнетизм. Зато, как сказала бы «моя прекрасная няня»: «Глобальненько получилось!»

Не стоит, кстати, думать, что фантасты прошлого шли на коротком поводке науки, мечтая лишь о ботинках с самонаращивающейся подошвой и автоматических тракторах. В. Сапарин в рассказе «Пыль приключений» (1960 г.) сдвинул земную ось. Г. Альтов («Порт Каменных бурь», 1967 г.) «открыл» планету-автомат, препятствующую разбеганию галактик. Савченко «заарканил» целую Вселенную («Должность во Вселенной», 1980 г.). Глобальненько? А то. Но при этом научное обоснование у этих авторов не вступало в противоречие ни с современной наукой, ни со школьным курсом физики...

Так куда же нас вынесло течение — в великий океан или же огромное болото? И дело даже не в том, что обязательными приметами нынешних книг стали инопланетные красотки и бесконечные войны — в ином тексте и то и другое более чем уместно. Без первого не было бы «Аэлиты», без второго — «Войны миров». Другой вопрос: ради чего и зачем? А чаще всего просто так — чтобы читателю интересно было. Будет интересно — купит следующую книжку этого же автора.

Есть ли пути для того, чтобы противостоять серости, затопившей книжный рынок? И что делать? Читать нотации издателям? Так они тут же кивают на читательский спрос, который должны удовлетворить. Бойкотировать пошлятину? Но умные люди и без того не берут ерунды. Воспитывать вкус к хорошей фантастической литературе? Но кто это будет делать? Школа, уже отбившая на корню любовь к классике? Боже упаси!

Может быть, поможет критика, если перестанет брезгливо отворачиваться от негодных поделок? Да, наверное. Но мы уже убедились, что слово в наше время пишется только со строчной буквы — и воспринимается так же...

Так что же делать?

АВТОРА!

Яков Разливинский — член Союза российских писателей, родился в 1963 году на Алтае, живет в Нижнем Тагиле. Автор трех десятков книг, преимущественно в жанре фантастики. Публиковался в журналах «Полдень, XXI век», «Искатель», «Уральский следопыт», «Мир фантастики», «Знание-сила» и других изданиях.

«Всё душа твоя запомнит...»

Избранное у поэта почти неизбежно складывается в мегастихотворение о его жизни и его веке. Название книги известной сибирской поэтессы Татьяны Четвериковой «Собирая время» напрямую подводит нас к этой мысли. Стихи, написанные в разные годы и с разными чувствами, оставаясь в избранном полновесными и самостоятельными, одновременно становятся и строчками, штрихами, образами, сплетающими пёстротканое полотно жизни.

Избранное Четвериковой охватывает период с 1972 года по настоящее время. Более 35 лет — это, действительно, целый поэтический век, вместивший в себя и ушедшую эпоху социализма, и её роковой слом — и то, что привычно называется мало осознанным нами пока словом «современность». А ещё — те пласты истории, которые таинственно открываются по созвучию, по стремлению человека понять себя и свою страну:

«Князь Владимир! Будь проклят за то, что ни разу // Не молилась богам, как и я, — светлоглазым, // Русокосым богиням, что деток славянских // Окунали в Днепре — не в волнах иорданских...»

По сути это времена, когда человек волей-неволей вынужден искать опору не во внешнем миропорядке, а в себе самом, в своём характере, в личной внутренней силе. И мир вокруг себя приходится выстраивать по собственным меркам, сообразуясь прежде всего с любовью и совестью.

В конечном итоге без проверки «на излом» человек никогда так и не узнает своей истинной силы, но бесчисленная череда разочарований и утрат неизбежно надрывает его сердце... Что уж говорить о поэте, который не оставляет непрожитым ни одно глубокое чувство, который со-чувствует всем и всегда говорит не только от своего имени, но и от имени всех бессловесных и бесследно сгинувших...

«Эх, Россия! До крика, до боли, до слез! // Ты порою бываешь, как мачеха, злая. // Поминальные свечи октябрьских берёз // Всё горят, не сгорая, на землях Кулая... // ... Всё быльём поросло... Здесь никто не живёт. // Но как сильно сердца занозило! // Закипает слеза... Нас несёт вертолёт // Над огромною братской могилой...»

И всё-таки именно поэт счастливый человек — с Божьей помощью он сам ткёт полотно своей жизни из подручных снегов, дождей и радуг, безутешного отчаянья и безоглядного счастья, и суровая основа этого полотна — любовь. Не красивая романтичная сказка, которую обещают мечты на заре туманной юности, а светлая, но порой и страшная, беспощадно жестокая истина, которая собирается по крупицам как опыт достойного переживания жизненных трудностей и трагедий, разочарований, предательств и разлук. И чем крепче основа-любовь, тем надёжнее ткань бытия... Об этом прямо говорит сама поэтесса:

«И даже если тяжела, // Любима жизнь, а не постыла. // Свободу я пережила // И несвободу полюбила. // Любая радость — за труды, // Любая милость — по заслугам. // Не разлюбила свет звезды. // Но научилась бресть за плугом.»

Мегастихотворение Татьяны Четвериковой — полотно, наполненное светом, щедро и ярко расцвеченное чувствами, и прежде всего оно — о любви: о Родине, о Сибири, о её деревьях, зверях и птицах — полноправных спутниках жизни. О близких и далёких людях, о друзьях и о детях, живущих в этом времени, в этой непростой, но безоглядно любимой стране. Безусловно, в главном Четверикова — счастливый человек и счастливый поэт: у неё практически нет повседневности. Её быт пронизан музыкой насквозь, жизнь её души переплетена с жизнью природы, её любимый город Омск любим верно и преданно, да и он, хранитель самых светлых и горьких мгновений судьбы, отвечает ей сердечной привязанностью, одно из свидетельств которой — сама эта книга...

Стихи событие за событием проживают жизнь поэтессы. Они очень конкретны в своих действиях: в трагические минуты утверждают правоту выбора и укрепляют уверенность, в наблюдениях — размышляют, в переживаниях — рождают музыку. В этом, наверное, и заключается их главный смысл: вносить свою правку в торопливый текст повседневности, делать его из черновика — чистовиком.

Быт у Четвериковой естественно и закономерно превращается в со-бытие, объединяющее всё живое вокруг простыми и таинственными узами. Но он не теряет при этом и своей реальности, материальности, весомости: оставаясь собой, в музыке приобретает глубину, а во многих сюжетах стихотворений — и символическую значимость, серьёзную или мягко ироничную. Это равно относится и к ключевым моментам жизни, и к вполне житейским мелочам.

«...Суров и точен ежедневник, //Вот на стихи он не горазд. //И не заполнена страница, //Где записать хотелось мне: //Попасть под дождь, опять влюбиться //И не проспать звезду в окне...»

Уж очень по-русски и по-женски — постоянно уметь видеть в обыденном присутствие высокого и вечного. Вот, например, стихотворение «Купаем чёрного кота...»: здесь мелочи бытового (и даже где-то вполне комического, забавного) события переливаются радугой светлых чувств, как пузырьки мыльной пены. И в итоге юмористическая картинка, где ребёнок радуется, мужчина нервничает, а чёрный кот, вопреки всем законам жанра, становится белым в мыльной пене, и, может быть, именно поэтому норовит вырваться и удрать, – всё это оказывается для женщины, лирической героини, символом полноты жизни, устойчивого в вечном движении миропорядка.

«Кот вырывается из рук. // Всё норовит к дверям, к дверям... // Но крепко милый держит лапы, // Хотя и зол, и поцарапан, // И надоело всё к чертям. // Я улыбаюсь... // Дело в том, // Что в шумные минуты эти // Я понимаю: есть на свете // Любимый, сын, и кот, и дом. // Что жизнь трудна, но не пуста, // Что многое ещё свершится. // ...Кричит ребёнок. // Милый злится. // Купаем чёрного кота.»

Но сквозь призму того же бесхитростного на первый взгляд стихотворения вдруг постигаешь: через сколькие же испытания, через какие глубокие трагедии прошла душа лирической героини, раз она так тонко научилась ценить мирную повседневность, радоваться ей и восхищаться, видеть в ней надежду на будущее... И здесь уже явно просвечивают конкретный характер, судьба, и совершенно по-иному звучат многие стихи книги.

«Мне всё труднее и тревожней, // Мне всё больнее оттого,// Что я лишь травка-подорожник// Пути и сердца твоего.// Мелькают дни, приходят сроки,// Раздумий сроки — не мечты.// А я всё травка на пороге,// Которой раны лечишь ты.// Я не скажу тебе: доколе?// Я молчалива, как трава.// Но прорасту в широком поле// И разве буду не права?»

Пожалуй, именно характер и судьба составляют главный смысловой стержень «Избранного» Татьяны Четвериковой. Это ключевые понятия книги. От одного лирического сюжета к другому они прорисованы чётко и рельефно: в открытых настежь диалогах и исповедях, в привычных размышлениях и дорогих душе поэтессы пейзажах, в полемическом азарте и молчаливой печали.

Так бывает всегда, когда стихи глубоко прорастают в жизнь, становятся в определённом смысле даже её опорой. И оттого духовный опыт выходит за пределы личного, приобретает иную, общую значимость. Буквально с первых стихотворных строк можно понять, какого дорогого собеседника подарила тебе книга...

«Мои глаза полны тайгою: // Листвой, иголками, травою, // Цветами, что цветут без счёта // И в небе синим вертолётом. // Мои глаза полны тайгою: // Зелёной, красной, золотою — // Любою краской, но не серой. // Сейчас глаза наполнят сердце. // И станет сердце — не иначе — // Простым, доверчивым и зрячим...»

Лирическая героиня Четвериковой живёт любовью, и (в этом — главное) по большому счёту ей куда важнее любить, чем быть любимой: дарить, отдавать, а не брать. Тут и без объяснений понятно, почему такая любовь обожжена беспощадным веком, как крутым сибирским морозом. Но только смутно и трепетно можно догадываться, почему беды делают её только мудрее и могущественней...

«Короткое время — берёзы цветенье. // Как в юности, сердце тоска и смятенье. // Тогда — о грядущем, теперь — о минувшем. // Мы в доме вечернем все лампы потушим. // Мы будем глядеть не на улицу — дальше. // В то давнее время без горя и фальши. // А маленький дождик шуршит, словно ёжик... // Хорошее время зелёных серёжек.»

Поэтическое избранное Татьяны Четвериковой традиционно во всех добрых смыслах этого ныне не слишком приветствуемого слова. Традиционно лирическая героиня тождественна автору – и это надёжный залог искренности и достоверности.

«Такая боль — до позвонков. // Я вся — сплошной болящий вывих. // Не надо мне твоих звонков // И монологов торопливых. // Я путаю, где сон, где явь, — // У боли нет щадящих правил. // Оставь меня! Оставь! Оставь! // Как ты уже меня оставил...»

Традиционен круг тем — а ведь каждая жизнь проходит по этому кругу, но ни одна не повторяет другую, и каждый со своими испытаниями встречается один на один. Именно поэтому, сколько ни изобретай формально-содержательных новшеств, главное, жизненно важное всё равно остаётся неизменным, и к нему неизменно приходится возвращаться.

«Только б на улицу, через порог, // Трудно учиться на чьих-то примерах! // Сколько сирени на рынках и скверах, // Май на исходе — последний звонок... // Ложь и предательство — выдумки, бред. // Всё это глупые старые басни. // Жизнь — хороша! И ничуть не опасней, // Чем переход на положенный свет. // Шаг — до люби, до мечты, до звезды. // Девочка спит в страшном мареве мая, // Может быть, к лучшему, не понимая: // Только полшага — до взрослой беды...»

Из этого переживания столь же традиционно рождается другое: материнское, учительское, а по сути и судьбе — одно из программных, магистральных:

«Время — пырх! — и только видели, // Унеслось за облака. // Не соперничай с учителем, // Воспитай ученика. // Береги его, пока ещё // Не обучен, робок, мал. // Все препятствия по камешку // Разбери, чтоб не упал. // Научи, чтоб не примеривал // Пьедесталов и корон. // Пусть растёт высок, как дерево, // И открыт со всех сторон...»

Традиционна музыкальная основа книги — она бесхитростна, потому что стихи очень близки к жизни и вышиваются по её суровой канве, и здесь нет ни грана лукавства. Традиционна речь, просты и понятны её образы — ведь это прямая речь, которая несёт надежду на понимание и ответ, ей ни к чему лишние украшения:

«Лето как будто бы на волоске. // Словно недавно и не было мая. // Девочка носит котенка в платке, // Нежно, как куклу, к груди прижимая. // Травы густы и повсюду цветы. // Только у нас и такое возможно: // Завтра листва полетит, как листы // Давней поэмы о грусти дорожной...»

В смутные времена традиция всегда становится залогом сохранения и продолжения жизни, культуры переживания её взлётов и падений, испытаний и даров. Проходя через всё это, человек не просто должен сохранить себя, свою душу — он должен собрать, преумножить её многократно, переплавить в её огне свои страхи и обиды в любовь, понимание и бережение.

«К старости люди глохнут и слепнут. // Наверное, Бог или тот, кто отвечает за наши души, // запирает человека изнутри, // чтобы он, не отвлекаясь, послушал и увидел самого себя // и понял, наконец, жизнь, которую прожил...»

По счастью, тот, кто дышит воздухом поэзии, изначально открыт «отвечающему за наши души», и у него есть прекрасная возможность «понять жизнь, которую прожил»: собрать свои стихи и сложить из них книгу. Пусть эта книга (снова дань традиции) и поделена условно на временные отрезки, практически соответствующие изменениям в окружающем мире людей, но поэт один, един и целен, как и его судьба. И в ней можно увидеть неизменное, ясное, чистое:

«Жизнь моя шумная — юность, младенчество! —//Всё в ней непросто и все в ней не зря.//...Тихое влажное утро Отечества//И молодое лицо сентября...»

И, пожалуй, только у поэта есть полновесная возможность, закрыв собранное и избранное, снова с чистым сердцем сказать:

«Мне нравится жить в этой осени мокрой, // Где тополь сорит невесомою охрой, // Где в каждом окне то герань, то фиалки...»

И многое ещё свершится.

Нина ЯГОДИНЦЕВА

«Остановлюсь на краю листопада...»

Все знают простую истину: если человек устал, расстроен или огорчён, лучший способ вернуться к себе — посмотреть в небо. Чистое ли, с облаками или штормовыми волнами туч — неважно. В небе нет жёстких линий, острых углов, в нём хоть тишина, хоть буря — всё свобода и покой. И если смотреть в небо становится привычкой, желанием, стремлением — те же чувства, та же сила, свобода и покой поселяются в душе.

Для меня как читателя это ощущение сразу и напрямую оказалось связано с названием книги Валентины Ерофеевой-Тверской «Глядеть — не наглядеться в небеса». Название, на мой взгляд, содержанием оправдывается полностью: в книге совершенно определённо прочитывается то состояние внутреннего равновесия, гармонии и экспрессии, которое позволяет глубоко воспринимать беды и боли, но не разрушает, а даёт силы жить, любоваться жизнью и людьми, действовать, преодолевать и создавать. Да и, к тому же, буквально: на страницах так много неба – ясного, звёздного, близкого! И для поэтессы совсем несложно *«шагнуть на небо, словно выйти в поле,//Чтоб звёзды, как клубнику, собирать»*.

Небо полно метафор — они, собственно, там и родились когда-то, в древности — человеческом всемирном детстве: из уподоблений привычного, подручного земного — невесомому, неизвестному, неразгаданному. Потому просто, органично — и, как ни странно в этой простоте, ясно и выразительно — звучат небесные метафоры Ерофеевой-Тверской: *«Как будто кто-то в небе бросил вожжи — //Так, клином птичьим покидая юг, // Летит весна, спешит по бездорожью, // А на пути ещё снега встают...»*

Но сборник никак нельзя назвать монотемным. В нём — стихия чувств, и более всего — любви, дружеской сердечной привязанности, надежды и веры. *«Уйти туда, где весело и звёздно,//Где майский хмель мне голову кружит, // Где, слышишь, никогда не будет поздно // Сказать друг другу то, чем можно жить»* — и понимаешь вдруг, что написано не только о любви, это и о стихах, чьи строчки *«Как заветные дорожки,// Подёрнутые росной синевой»*...

Да простит мне автор столь вольное прочтение — ну вот так на душу легло, так прозрачен стих, так подкупает «сказать то, чем можно жить»... Ведь и вправду иные слова не только окрыляют — питают душу, как ключевая вода, как тёплый хлеб. И слов этих ждёшь, их ищешь, а найдя, хранишь. Они редко несут в себе что-то «новое» — скорее, открывают забытое, глубокое, полное тепла и любви. Не в этом ли в принципе смысл поэзии, особенно сегодня?

Лучшие стихи сборника обладают этим свойством поэтической прозрачности, когда за одним смыслом проглядывает другой, рождается ещё значенье, и не важно, сознательно или интуитивно вкладывал эти смыслы автор — они уже сами живут, мерцают, проявляются. Глубина книги рождается не из сложности, а из простоты. Почти бытовые (преимущественно женские) сюжеты, темы — любовь, дружба, природа, родина — уж куда проще. И куда глубже... И к сердцу — куда ближе?

«Прозрачный свет // Прощаний и обид // На тонкой грани // Дыма и тумана, // Где даже // Телеграфные столбы // Притихшими стоят // Непостоянно»...

Ещё одна характерная чёрточка поэтического дара Ерофеевой-Тверской — народность, естественная напевность стихов, иногда прямо переходящая в фольклорную интонацию. Это звучит как заговор, как верное слово на жизнь: «на семи ветрах слёзы высохнут...»

Интересно, что подобные интонации, пожалуй, чаще встречались в предыдущих книгах поэтессы, в новой они несколько потеснены личным, индивидуальным звучанием стихов, но, видимо, уж такая тема: Родина, беда и счастье её: тут и дыхание становится глубже, и музыка соразмерна просторам. Чтобы разбудить эти просторы, докликаться ответа, нужно точно знать, что и как пропеть. И слова иные: не из современного городского дистиллированного словаря, а из той — от плоти земли — речи, в которой у каждой речки, травки, пичуги своё имя, своя душа и судьба.

Та же народная мелодия, та же речь — в стихах о любви, наверное, потому, что любовь для женщины всегда — родина. Расстояния между напевными народными строфами и стихами современными для автора словно не существует: в поэтическом мире Ерофеевой-Тверской они совсем близко, так, словно для неё естественно из городского подъезда выйти в родной сибирский простор, а не на тесную улицу с домами, машинами и светофорами. Редкое свойство души в наши дни! И в то же время при чтении сборника понятно, что в той, народной речи поэтесса родилась и выросла, а в современной — осваивается, стремится войти в неё не просто на равных — а со всеми «загадками России», загадками её собственного характера, судьбы.

А вот это русское, женское, кровное: любить любовь... Хотя бы только за то, что она есть, она во всём: *«Весна взяла повадки лисьи, — //Стремятся травы к тёплой выси...//А нам завидовать с тобою,//Что каждый малый листик рядом// Роднятся и стволом, и веткой»*.

Взгляд, бесконечно устремлённый в небеса, выдаёт в авторе человека, не только не растратившего в перипетиях современности свою жизненную силу и радость, но и научившегося черпать эту силу в том же бесконечном небе, у той же весны... От книги к книге (а ранее у Ерофеевой-Тверской вышли «Многоточие» (1996 г.), «Потепление» (1997 г.), «Сударыня» (2001 г.) поэтесса набирает и опыт поэтического выражения чувств, и саму поэтическую энергию.

В новой книге она делает очевидный рывок за освоенные смыслы, экспериментирует с рифмами, мелодией речи, стремится выразить и большие, и мимолётные чувства, и простые весенние настроения, и нарисовать почти прозаические картинки. Всё это придаёт сборнику особое ощущение внутренней свободы, лёгкости. Даже если рискованная рифма «не взлетает», а размер сбивается, как нечаянно сбивается взволнованная речь, это воспринимаешь как игру силы, свободную, радостно пробующую то самое небо, в которое и вправду глядеть — не наглядеться...

Нина ЯГОДИНЦЕВА

ЭРМИТАЖ В СОНЕТАХ

«Ты для меня, отец мой Эрмитаж,// Дороже черной, черствой корки хлеба...» — стихотворения и поэмы Льва Пумпянского, отображающие шедевры живописи и скульптуры Эрмитажа были созданы в осажденном Ленинграде в 1942–43 гг. Впервые они были опубликованы в Париже, в 2001 году, в издательстве «Виктор Эдисьёнс» к 300-летию Санкт-Петербурга.

Однако это издание российский читатель практически не увидел. В Париже удалось издать всего 150 экземпляров. Они не поступали в продажу, были разосланы по библиотекам и музеям страны, в том числе и в Эрмитаж, остальные раздарены.

Тем не менее, книга была замечена критикой. Сразу после ее выхода появились доброжелательные отзывы. Первый отклик на книгу появился в Париже в материале парижского корреспондента Юрия Коваленко в русскоязычной газете «Новые известия». Было напечатано большое развернутое интервью первого издателя Николая Сарафанникова парижскому корреспонденту. Затем в наших «Известиях», в России, статья Юлии Кантор. Книга была замечена и на другом континенте — в Америке, в Нью-Йорке, в «Новом журнале», статья Анатолия Либермана.

Только что вышедшая из печати книга — это второе издание, дополненное историческими фотографиями блокадного Ленинграда, семейными фото автора и его окружения. Кроме этого, приведены отзывы, которые перечислены выше. Опубликован некролог «Памяти Льва Пумпянского». Помещена одна из пяти статей первого издателя «Эрмитажа» — Николая Ивановича Сарафанникова в «Новом журнале».

Теперь несколько слов об авторе книги. Лев Пумпянский — искусствовед, педагог, декан факультета истории искусств Всероссийской Академии художеств. Он родился в 1889 году в Самарской губернии, в семье провизора. О себе он превосходно рассказал в автобиографической поэме, вошедшей в представляемый сборник.

Образование он получил в Петербурге. В 1908 году окончил гимназию Гуревича, в 1915 — юридический факультет Петербургского университета. Одновременно занимался живописью в рисовальной школе Императорского общества у художника Яна Францевича Ционглинского, профессора Академии художеств, учившегося вместе с Врубелем и Серовым. Ционглинский являлся соучредителем и участником объединения «Мир искусства» и «Союза русских художников». Ученики Циоглинского — Лансере, Билибин, Чехонин, Анненков и др.

После революции, в 1918–1920 гг., Лев Пумпянский брал уроки живописи у Петрова-Водкина в Академии художеств. С юных лет он увлекался изобразительным искусством, иностранными языками, музыкой (сам играл на фортепиано), но более всего, поэзией, литературой. По окончании гимназии в 1911 году он совершает трехмесячную поездку по Европе, побывав в Берлине, Дрездене, Мюнхене, Вене, где знакомится с памятниками искусства. И, хотя он потом поступает на юридический факультет Университета, интересы его остаются неизменно сосредоточены на литературе и искусстве. Он печатался в журналах «Звенья», «Аполлон», «Пламя». В журнале «Пламя» возглавлял художественно-критический отдел, был членом редколлегии.

В 30-х годах преподавал в нескольких высших учебных заведениях, читал лекции в Русском музее, в Консерватории, был директором Ленинградского Института повышения квалификации работников искусств, работал во Всесоюзной академии художеств.

Во время блокады Лев Пумпянский с женой оставались в Ленинграде. Их дети, дочери-близнецы, были эвакуированы со своей школой в Омскую область. В осажденном городе он продолжал читать лекции в Академии художеств, пишал статьи, которые тут же печатались на страницах ленинградской периодики. В 1942 году им была написана брошюра о Репине. Она была опубликована в ОГИЗе в серии: «Гениальные люди великой русской нации» в 1943-м.

Основу новой книги Льва Пумпянского составляют сонеты, посвященные мировым шедеврам Эрмитажа. Вторая часть книги озаглавлена «Письма к родным», но это не только бытовая переписка, во многих письмах речь идет о широко известных деятелях культуры: художнике и режиссере-постановщике мультфильмов Цехановском, литературоведе Мануйлове, искусствоведе Пиотровском, знаменитом Сергее Эйзенштейне...

В году 65-летия Победы над гитлеровской Германией и 66-летия снятия блокады Ленинграда восхищает мужество, стойкость, благородство автора писем, которые явлекны в тяжелейших условиях блокады. Лев Иванович пишет своим дочерям, находившимся в эвакуации письма, ни словом не упоминая о голоде, морозах, бомбежках, умирающих рядом людях. В последнем письме от 27 февраля 1943 года он пишет: «Мы с мамочкой живем недурно... питаемся удовлетворительно, стараемся не падать духом перед трудностями... Зима стоит легкая... Час нашего свидания приближается». А через неделю, 6 марта 1943 года, Льва Ивановича не стало. Отказало сердце.

Состоявшаяся в феврале этого года в екатеринбургской галерее современного искусства презентация книги Льва Пумпянского возвращает это имя российскому читателю.

Анна АРЕФЬЕВА

Лев Пумпянский. Эрмитаж. Стихотворения и поэмы. Письма к родным. — Екатеринбург, 2009.

ЯЩИК ДЛЯ МЛАДЕНЦЕВ

(о повести Сергея Козлова «Скинькеды»)

Казалось бы, в повести Сергея Козлова «Скинькеды» всё просто: похулиганили пацаны (хоть и не любят они этого слова), а какой-то дяденька решил наказать их по-взрослому. Только картинка не складывается, чего-то не хватает. А, может, наоборот, много лишнего, знакомого, а потому не вызывающего ни удивления, ни вопросов. Кто не знает о нищих около супермаркетов, о детских домах, куда зачастую детей из мусорных бачков приносят, об избирательном хамстве продавцов... Страшно, стыдно, больно от безысходности, а ещё это тягостное чувство сопричастности ко всему происходящему. Знакомые чувства, знакомые образы, знакомые выводы, переходящие в морализаторство: так жить нельзя. В этом легко обвинить автора и поставить точку. Только не всё так просто. Сергей Козлов — опытный и неоднозначный писатель. И в данном случае на фундаменте, изготовленном по традиционным технологиям, он возводит своё, оригинальное здание.

Есть такая штука — голограмма. Посмотришь на нее: чёрточки, кружочки, зигзаги какие-то, одним словом, бессмыслица полная, но мы-то знаем, что РЕАЛЬНАЯ картинка спрятана за всеми этими «сюрреалистическими обоями». Стоит только приложить небольшое усилие и вспомнить опыт «выуживания» скрытой картинки, и вот она появляется, как чудо, к которому привыкнуть невозможно. Видимая простота повести — это всего лишь те самые «обои», прикрывающие истинное содержание. «Скинькеды» — голограмма, где на поверхности дворовая молодёжь, знакомые улицы небольшого городка, лощёные «Лексусы» — предмет зависти менее удачливых, фитнес клубы, где мальчики-мажоры и респектабельные бизнес леди по капле выдавливают из себя провинциалов. Но что скрыто за этим? И кто главный герой? Думаю, что тех, кто мыслит увидеть в качестве «главного» убитого Валика или его друга-студента, или толпу мальчишек, сидящих в беседке осиротевшего двора, постигнет разочарование.

Автору повести удалось почти невозможное: он сделал главными героями лица так называемого «второго плана». Их много: участковый капитан Смоляков, взявший на воспитание малыша Федьку из детского дома; Анна Николаевна — директор того самого детдома, женщина с тихим и вечно просящим голосом; её коллеги воспитатели Валентина Сергеевна и Анна Николаевна; отец Алексея Морошкина, прошедший три войны и убитый городскими отморозками; бармен из «Голубой лагуны», мечтающий о закрытии бара, несмотря на то, что сам потеряет рабочее место. Портрет главного героя — это собирательный образ живой человеческой души.

В повести много символичного, порой кажется, даже банального: если бар для сексуальных меньшинств, то обязательно «Голубая лагуна», если местная газета, то только «Городские ведомости», если охранники, то тупые и трусливые, акты возмездия же совершаются, как в русской народной сказке, трижды, да и число «неуловимых мстителей» символично — их семь человек. Но можно ли считать это слабым местом произведения? Пожалуй, да. Только если опять забыть о том, что автор — не начинающий прозаик, который «пробует перо». Прибегнув к так называемой «простоте», Сергей Козлов даёт возможность читателю увидеть самую суть, а она скрыта глубоко и вложена в уста всё того же участкового Фёдора Смолякова. Вспомним его рассказ о ящике для младенцев: «Сюда малышей подбрасывали мамаши, у которых совести чуть побольше, чем у тех, которые бросают пищащие пакеты с детьми на помойки... теперь его заделали». Самое страшное здесь даже не в том, что такой ящик в дверях детского дома был, а в том, что его заделали! Что? Младенцев ненужных меньше стало? Вряд ли. Недаром в конце автор использует неутешительные цифры статистики: на сегодняшний день в России насчитывается более восьмисот тысяч сирот, «целый город сирот». А «ящик заделали», потому что у детского дома нет средств, чтобы принимать новых малышей. Но масштабы трагедии России даже не в том, что год от года расширяется так называемая сеть социальных домов для людей различных категорий. В «ящике для младенцев» зачастую находятся и те, у кого есть родители, близкие родственники или друзья. Чтобы обеспечить ребёнка всем необходимым, одни торгуют нижним бельем, имея при этом высшее образование, другие помимо основной работы вынуждены устраиваться на какую-нибудь «халтуру», а третьи, исполнив долг в «горячих точках» великой империи, вообще уходят из жизни, так и не успев поговорить с детьми о чём-то главном.

Людмила ВЕТРОВА

(г. Советский, ХМАО-Югра)

СЕТЕВОЙ КАМЕРТОН

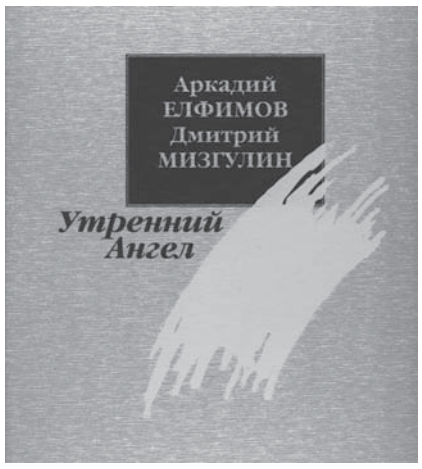
Камертон, по В. Далю, это «звук, принятый за образцовый, как неизменный, для строю известной ноты». Выбор названия «Камертон» для литературного журнала может означать только одно: редакция ставит своей целью создать образцовое литературное пространство, где царило бы Слово, которое было в начале.

Но не так уж мало осталось писателей, не желающих менять старый кодекс чести и не оставляющих попыток «найти человека в человеке». Именно на такого читателя ориентировалась редакция литературного журнала «Камертон», работая над первым его выпуском. Едва появившись в сети Интернет, «Камертон» вызвал немало разнообразных и заинтересованных откликов. Настоящие дискуссии развернулись под эссе Валентина Распутина «За чистое слово», статьёй Сергея Светлякова «Будет ли поворот?..», критической заметкой Дмитрия Седова «О фильмах Павла Лунгина «Царь» и «Остров»». В первый номер также вошли стихи и проза Юрия Лощица, рассказ Владимира Крупина «По местам стоять», стихи Анатолия Аврутина (Беларусь), Владимира Глазкова (Украина), Сабира Абдуллы (Азербайджан), произведения других авторов из России и ближнего зарубежья.

Светлана ЗАМЛЕЛОВА

Главный редактор Сетевого литературного журнала «Камертон» (Москва)
www.webkamerton.ru

«О Родине своей молюсь...»



«Утренний ангел» — несомненно, книга-праздник. Праздник начинается прямо с обложки: сочетание серебряно-серого, тёмно-синего и лёгкого розового естественно создаёт в ощущении образ раннего морозного утра.

Добрая беседа Валентина Курбатова на самых первых страницах — вроде бы и предисловие, но так по-отечески мягка и светоносна, что чувство радости рождается само собой. И утренняя свежесть взгляда, и лёгкость слова — всё одно к одному, всё — в праздник:

Склонюсь к воде — волна легка.
Звезда в руках засеребрится,
И жизнь, как лунная река,
Сквозь пальцы медленно струится...

Мы уже успели привыкнуть к тому, что праздник — это когда нас развлекают. На самом деле у него совершенно другая задача: распахнуть душу, обновить мировосприятие, воодушевить ум. Потому и любование «Утренним ангелом» постепенно становится размышлением о слове и образе, о том, как они вообще соотносятся между собой и как сочетаются в пространстве новой книги, в соавторстве фотографа и поэта.

Бесспорно, что во все времена высшей степенью деяния было и остаётся слово. Оно рождается в реальности духа и в реальности духа творит. Его сила строит или разрушает материальный мир, но она не очевидна немедленно, сиюсекундно. Тогда как очевидное, зримое нами воспринимается гораздо убедительнее и кажется более прочным и надёжным. И эта иллюзия преследует нас повсюду (не напрасно Мизгулин говорит в одном из стихотворений: *«Я ощущаю новый век с тревогой неземной...»).*

Однако зримая реальность всё-таки гораздо более иллюзорна, чем реальность духа. Чтобы жизнь начала рассыпаться в прах, достаточно обессилить слова ложью, обезволить их, разрушить речь и обречь забвению язык. Но, собирая воедино убедительность зримого образа и направленную волю образа поэтического, возможно восстановить утраченную целостность и устремлённость.

Сегодня взаимоотношения слова и зримого образа невероятно сложны и в прямом смысле трагичны. Слово в повседневности потребления унижено до подписи к картинкам. Но и сами картинки так подчищены и залакированы, что отражают скорее нечто эфемерное, виртуальное, нежели действительную реальность. Главными героями, центральными событиями становятся преимущественно вещи, малозначимые по сути, но целенаправленно возведённые в ранг ценностей и обретающие над человеком беспощадную власть.

Мир вещей всё более отталкивается от Міра, всё яростнее выламывается из него, рискуя, но совершенно не боясь впасть в хаос. И зримый, и незримый миры переживают страшные утраты.

Однако в реальности одухотворённого бытия по-прежнему происходит совершенно иное: слово излучает нашу направленную волю, а материальный мир принимает её, поглощает, преобразуясь и снова ожидая творящей речи.

Книгу «Утренний ангел» можно воспринимать как малый фрагмент этого цельного и целостного, многогранного и многозвучного диалога. Автор предисловия Валентин Курбатов трактует её как диалог с читателем. Мир книги создают поэт, фотохудожник — и неведомый пока ещё собеседник, и в этом сотворчестве, в идеале, действительно само собой должно проступить светлое евангельское: «Где двое или трое во имя Моё, там Я среди них». Понимая истинные стихи как форму молитвы — самого чистого и гармоничного деяния, — можно вспомнить и о том, что поэтическое слово — прежде всего слово звучащее, и для него необходимо пространство, необходимы воздух, даль и высота для полёта.

Стихи Дмитрия Мизгулина живут в пространстве фотографий Аркадия Елфимова совершенно естественно, как естественно поэту беседовать со стихиями и читать поэтические строки лесу, облакам, реке. И когда собеседниками человека становятся Природа и Мір, вольно или невольно речь превращается в молитву, вот тогда-то

...И рассеется темень вселенская,
И застынет, притихнув, природа,
И зажжётся звезда Вифлеемская,
Озарив полумрак небосвода.

Это ведь очень по-русски, по-сибирски: стихами говорить со всем миром и чувствовать, что слова твои не рассеиваются на ветру, а летят в пространстве — и прозрачная стрела глагола достигает своей цели там, где её человеческому глазу не разглядеть. Даже если сетования горьки, а слова просты, безыскусны, главное — они от сердца, неравнодушного, живого, ищущего сочувствия. Радость говорения, пения, молитвы, обращённая в Мір, присуща всем народам, которым выпала участь обживать суровые бесприютные земли с их могучими стихиями.

Этими стихиями нельзя пренебречь, как пренебрегают природой люди в современных городах, потому что возмездие настигнет скоро и неумолимо. Со стихиями говорят, а, может быть, и уговаривают их, заговаривают, и высшее счастье — услышать отзвук, отклик родины, угадать ответ своей песне в шуме ветра, в речной речи, в таинственном гуле над землёй туманным утром. Есть ли в этом доля язычества? Безусловно, есть, но живая, естественная, — так неизбежно проступают ранние, детские впечатления во взрослой жизни. Ведь Природа — та часть Міра Божьего, которая наиболее близка к человеку. Воспетый Мір — это мир, в котором человеческая воля, поэтическая мольба услышана и вплетена в канву общего со-бытия, и человек уже не может быть одинок, случаен, брошен на

произвол стихий. Он становится соучастником, он должен со-ответствовать, слушать со-весть и со-зидать.

Наверное, именно совпадение в этой книге прямо направленной к Вышнему поэтической речи и — на фотографиях — воздуха, света, леса, реки для неё дарит читателю искреннюю радость. Каждый по-своему может объяснить это совпадение: для одних фотографии — фон-настроение стихов, для других — прямые иллюстрации к тексту, для третьих — глубинный подтекст или, напротив, некий гипертекст...

Что ж, «Утренний ангел» дарит и то, и другое, и третье... Тем более что сам изобразительный ряд располагается на трёх уровнях восприятия. Это, во-первых, высветленные, открытые сибирские пейзажи Аркадия Елфимова, далее — вмонтированные в «текст» пейзажей крупные планы, и, наконец, третий уровень — чёрно-белые фотографии Павла Кривцова, который по сути является полноправным соавтором книги.

«Пересказывать» своими словами фотографии — занятие столь же неблагодарное, как и пересказ стихов. В лучшем случае можно рассуждать о сюжетах, ракурсах, цветовой гамме, принципах организации пейзажа как «текста», эмоциональном восприятии... Поэтому ограничимся краткой характеристикой самих принципов организации фотоматериала в этой необычной книге.

Контраст между разнообразной нежной цветовой гаммой основного фоторяда и суровыми, аскетичными и оттого пронзительными чёрно-белыми фотографиями Кривцова создаёт постоянный эффект эмоционального эха, или даже не так — этот контраст работает как «закрепитель» эмоции, впечатывая её, рождённую словом и цветом, в чёрно-белую память, удваивая эмоциональное пространство, продолжая общий сюжет...

Так, например, открывая буквально первые страницы, читаешь: «*Вострубят ангелы — пора...*» и видишь зимний пейзаж, крепостную (монастырскую?) стену, крупным планом — вполне весенняя фотография молодой мамы с младенцем, а дальше на чёрно-белом развороте — поверженный ангел с закрытыми глазами, с каменным швом-трещиной на уровне сердца, где-то на фоне сена, тракторных колёс, рядом жмурится сибирский кот... В многослойном сюжете словно соединяются несоединимые изначально самые светлые чаяния и — суровый быт, жестокая история, заблуждения и падения на пути земном.

Многослойный словесно-изобразительный «текст» книги оставляет бесчисленные возможности для трактовки сюжетов, и у каждого читателя есть возможность «прочитать» своего «Утреннего ангела», догадаться о чём-то своём, необходимом именно ему сейчас...

Нельзя не отметить, что чёрно-белые фотографии Павла Кривцова работают практически на уровне вербального текста. Они равно «рифмуются» и с гармонично многоцветными пейзажами Аркадия Елфимова, и с поэтическими текстами Дмитрия Мизгулина. В них тот же напряжённый нерв времени, то же молитвенное созерцание, что и в стихах. И мягкие краски просторных сибирских пейзажей очерчивают достаточно пространства для звучащих слов и умножающихся смыслов.

...И пусть ещё одной весной
Согреется душа...

Нина ЯГОДИНЦЕВА

Елена БЕЗРУКОВА
А кроме любви ничего и нет...

* * *

Вот улыбка — лодочка, челн
В страны, где в пыли босиком
Жизнь ветохозаветнее, чем
Глиняный кувшин с молоком.

В домике молчанье плывет,
Словно запах хлеба с огня.
Сонный день, струящийся мед,
Подержи в ладонях меня

В двух витках от мертвой петли,
В двух глотках от мерзлой земли,
В детском сне, детсада окне,
Где рукою сын машет мне.

Помню жизнь на запах и вкус.
Помню и запомнить боюсь
Дым табачный, рот в молоке,
Вечные, как жизнь в мотыльке...

* * *

Сквозь мутный свет
ресниц полуоткрытых
Привидится полузнакомый дом,
И дремлет штора, легкая, как выдох,
И мама молодая за столом.

И край ее давнишнего подола
Синее ночи, счастья тяжелей.
Еще поспи, еще останься дома,
Не уходи, останься, пожалей.

Скрипит калитка мира под ветрами,
И тянется репей к облезлой раме —
Царапнуть и сродниться невзначай.
Мой сон тобой пронизан и изранен.
Как тяжело мне дышится утрами,
Покуда не расплескана печаль.

АВТОРА!

Елена Безрукова родилась в 1976 году в Барнауле. Закончила юридический факультет Алтайского государственного университета и психологический факультет Томского государственного университета. Работала в адвокатуре, учреждениях культуры, на государственной службе. Стихи публиковались в журналах «Сибирские огни», «Роман-журнал», «Барнаул», «Встреча», «Алтай», «Бийск» и газетах. Член Союза писателей России, автор трех поэтических книг. Живет в Барнауле.

Мы шли с тобой, куда — уже не важно,
Я — за руку, крылом твоим протяжным.
Продли мое видение, продли.
Как детства в кулачке осталось мало.
И сын меня расталкивает: мама,
И тянет из просоночной пыли...

* * *

Я с варежек роняю мокрый снег,
Остатки солнца в золотых сугробах...
И дышит жизнь, как девочка во сне, —
Не трогай

Там мама ставит часики на семь
И в сон уходит белыми плечами.
Я — умненькая (глупая совсем)
В начале

Я выкормлена теплым молоком,
Но, тельце школьной формою окутав,
Я изучаю страх под языком —
Откуда

Я различаю трещины в коре
Земли, что держит и меня, и маму.
И смотрит мертвый голубь во дворе
Упрямо

В меня, а там, в соленой глубине
Едва качнется стрелкою минутной
Резиночка от варежки ко мне,
Мой грязно-белый
стропик парашютный.

* * *

Алое зернышко,
След восьмигранной звезды,
Как уцелеть от космической той
мерзлоты
В детском испуге далеком?
Будто со снимка
застывшего из-под стекла
— Чувствуешь? — как потаенно
слеза потекла,
Будто бы ниточка с богом...

Алое зернышко, бродит гранатовый сок.
Линия жизни — скольжение наискосок
Вниз, до развилки упругой. —
Зло и добро, день и ночь,
два крыла, две руки,
Два тонких берега невозмутимой реки
Только и живы разлукой...

Чья в тебе сила? —
И бога, и дьявола след.
Сердце в начале строки,
а на выходе — свет,
Чтоб далеко засмотреться...
Даже когда целый мир ослепляет глаза,
Ты будешь найдено,
если тропинка — слеза,
Алое зернышко,
сердце...

* * *

Шепотом, шорохом, еле дыша,
Флейта, звучанье вполсилы...
Чтобы глаза приоткрыла душа,
Дрогнула, но не спалила.

Скрой, мой хороший, свои имена
И назначенье земное.
Пусть остается навек пелена
Между тобою и мною.

Пусть нам полветра до рук и волос
И полдуши до начала.
Ах, как не вовремя каждый вопрос!
Как неизвестности мало!

Веточка, ветра ресница, в руке,
Ты напиши нам разлуку
Смело, как пишется в черновике,
Строчкой коверкая руку.

* * *

На бельевой веревке за окном
Спят капли, пропустившие минуту,
Когда зима прошла сквозь этот дом,
А нас не разбудила почему-то.

И в этом сне мы долго не умрем,
Пусть мы не знаем (мы и так не знали),
Что происходит в воздухе сыром,
Пугливом, как забытый звук в рояле.

Лишь паучок снует у потолка,
Мы часть его пейзажа, ну и что же?
И выпускает спящая рука
Ключи от городка, куда мы вхожи.

И падают они сквозь ветхий пол,
И город исчезает постепенно.
И все, что в нем томилось до сих пор,
Осело и растаяло, как пена.

И только снег очнулся и пошел,
Сугробами пустыми громыхая.
Прости меня, что нам нехорошо.
Что жизнь длинна, как музыка плохая.

* * *

В беззвездном, заколоченном дому
тоскою награждают по уму
всех приходящих в этот мир скрипучий
за каплей смысла, за водой живой —
по тропке — нет, по кромке ножевой,
сквозь сон неровный,
просекой колючей...

В уставшем насмерть, в стонущем дому
к полыни ли, к погибели, ко сну
все клонится... Качают половицы
гнилую кадку с горькою водой —
едва пригубишь — и уйдешь седой
ко всем чертям, боясь остановиться...

— Хозяин, нашим думам вопреки,
здесь живы только сны и пауки,
здесь дух сродни отравленному зелью.
Сотри меня, я стар и нездоров,
твой вечный дом, твой перекрест миров,
с окном на рай, с калиточкой на землю...

* * *

Я плакала у ветра в рукаве,
До ливня, до колодезного эха,
А ветер мел руками по траве,
И смерть росла до краешка, до верха,

Переходя черту, где гаснет свет,
Я в мокром платье, сопли утираю,
Расту, роняю чашку, умираю,
Во дворике забыв велосипед...

Нам никогда не выйти из дождя,
Он льет из нас — от всхлипа до рыданья.
Как затянулось детское гаданье,
Где жизнь и смерть сошлись полушутя.

Замри, замри, монетка, на лету
Над хлипкой решкой и орлом суконным,
Покуда мир темнеет, как икона,
И лица западают в темноту...

ОКОНЧАНИЕ НА СТРАНИЦЕ 14 ⇨

ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО НА СТРАНИЦЕ 13

* * *

Я хотела бы встать за твоим плечом
В тридесятом городе,
синем, волчьем.
Где от лампы настольной тепло течет
И в твоих руках засыпает молча.

Я боялась бы выдохом ночь качнуть —
Вот она в гортани с моей судьбою.
Задержи мой голос в себе чуть-чуть,
И душа в душе отзовется болью.

Я успею еще умереть в глуши,
В километры русские впутав косы,
Там, где ждут своих поездов откосы,
Осыпая камни на дно души...

* * *

На пыльном балкончике,
свесившись над пустотой,
Раскачивать дым
над сырой тротуарной чертой.
И хочется неба, да веры
чуть-чуть не дано.
Ты помнишься мне,
а другие забылись давно.

Спешу мимо луж —
этих бедных осенних витрин,
И город звенит,
будто в поезде чайный стакан.
Я тысячу лет не звоню.
— Мы и так говорим,
Как долгие реки, впадающие в океан.

Перила трамвайные,
выдох сердечных простуд,
Пакетики чая, полночные книги в дыму.
Как странно на свете, скажи?
Наши дети растут.
Откуда взялись — до сих пор
до конца не пойму.

* * *

Я несла в животе голос горькой звезды.
Я кралась от людей,
чтоб не слышалось им,
На каком языке она крестит следы,
Проводя меня между болот и осин.

Я спала слишком долго —
ни сна, ни тепла,
К небу — чистым лицом,
вдох мой — рябь на воде.
И в нее заглядевшись, звезда потекла
По небесному желобу, злой борозде.

Помнишь? — думали землю
на высь поменять.
Да на небе так зыбко:
качнешься, и — вон.
Вот упала звезда, и попала в меня,
И прожгла, и ушла в ледяной чернозем.

И остался мне голос, горчинка в ночи,
Чайный привкус, осколок,
под ложечкой стих.

* * *

Протяжное сплетение корней,
Ветвей и проводов, и рек, и бродов,
Я в бронхи мира вплетена, верней,
Я воздух в их подземных переходах.

Еще не жизнь, а только кровоток.
Еще не плод, но музыка над садом.
Услышь, как распускается листок,
Заранее пронизан листопадом.

Скрипичным вздохом, выпавшим из рук,
Замри в огромном небе и не сетуй:
Вот-вот смычок в тебя проденет звук
И понесет на ниточке по свету.

* * *

Люба с голосом виолончели,
Ватным, точно в горле ком,
Как с моста глядит в теченье,
Медля с траурным прыжком, —

Так плывет она, маячит
По кудлатому двору,
Будто карий жар коньячный
По усталому нутру.

Если счастье невозможно,
Потому что счастья нет,
Знай, убьет тебя Рогожин,
И польется белый свет

Через тоненькую кромку
Бытия-небытия
К возвращению в ребенка —
Слышишь, девочка? — тебя...

* * *

А кроме любви ничего и нет.
Проснусь оттого, что ребенок
во сне повернулся
И пяточки мне положил на живот.
Живет,
как будто скользит по воде —
я хочу дотянуться,
а все не могу, безумия недостает.

Шумит
вселенная всеми своими ветвями,
и падают яблоки ночью с ветвей.
Не сплю, а слушаю — что там во мне
зацветает и вянет,
и падают яблоки ночью с ветвей.

Пускай тишина
стоячей водою удержит и взвесит
полуночный пульс тугой.
Мне нужно запомнить тебя, как строчку
отцовых песен,
Я завтра проснусь другой.

Я завтра уже не проснусь,
я исчезну в полночь,
когда покрадется дождь
по сухой земле.
А кроме любви и нет ничего,
ты помнишь?

А утром останутся яблоки на столе.

* * *

Разгляжу через небо,
развешанное кое-как,
Что душа твоя едет домой,
как пустой товарняк.
Дребезжит напоследок
по плохоньким рельсам во тьме,
И две ржавые нотки
стучат напоследок во мне.

Не хочу повторяться любовью,
печалью, тоской.
Но повтора им нет.
Свищет во поле гул городской.
И все уже зрачок тишины
над моей головой.
Не стучите, колеса.
Попробуй, останься живой.

Дышат сумерки чудом, а с неба
пути ему нет.
Только скобочкой тонкой
над крышами вырезан свет —
То ли дверца во тьму,
то ли месяц висит на трубе.
Жизнь тебя разлюбила,
поскольку привыкла к тебе.

Сделай полный глоток неизвестности.
— Страшно? — Слегка,
Будто вечность к лицу
прислонилась и пьет из виска.
И уже где твое, а где богово —
не разобрать,
Белый свет откровений
и черные строчки в тетрадь...

Людмила Липатова

ПЛАЧ ГАГАРЫ

из цикла «Ямальские были»

Полевые дневники... откроешь их на любой странице, прочитаешь пару строк, написанных порой так торопливо, что не разобрать свой собственный почерк, и сразу же отрешаешься от окружающей действительности. Куда-то уходит комната, растворяются предметы, а ты находишься в том месте и в том времени, когда была сделана запись, окунаешься в аромат тундры, идешь теми тропами или сидишь на какой-нибудь горе и любуешься открывающимися перед тобой далями, или застываешь в совершенном восхищении перед пылающими красками заката.

Итак, я открываю дневник. 18 августа 1998 года. Читаю...

Мы с Галей возвращались из тундры после посещения чума бабки Хаулы. Галя Неркаги — одиннадцатилетняя девочка, дочка Зои Павловны Неркаги — учительницы школы в посёлке Лаборовая. Надо сказать, бродить с Галей по тундре сплошное удовольствие, будь это сбор ягод или грибов или поиски чума, как было на этот раз. Она никогда не ноет, — мне показалось бы крайне странным, если бы она когда-нибудь пожаловалась, что устала, больше не может нести ведро, полное собранной ею морошки, хочет присесть отдохнуть. Настоящая ненецкая девочка, выносливая, сильная, без капризов. Я люблю Галю, мне с ней тепло и душевно, а в любом походе это чуть ли не самое главное качество спутника. В этот раз мы чуть не заблудились, прежде чем нашли чум бабки Хаулы. В придачу ко всему Галю укусила собака, а вина-то была целиком моя. Вот ведь знаю, нельзя подходить к собаке, если она привязана к нарте, но уж очень мне захотелось сфотографировать Галю рядом именно с этой нартой, с сидящей на ней собакой. Так Галя и пострадала из-за меня. Я испугалась, а она хоть бы что. Еще меня же и успокаивала. Перевязали палец какой-то тряпочкой, чтобы сильно кровь не капала, и дальше пошли.

Впрочем, я отвлеклась, здесь разговор пойдет не о Гале, не о бабке Хаулы — о них когда-нибудь в другой раз запишу подробнее, а о встрече с Раей Лаптандер. Она направлялась к себе в чум. Остановились, поздоровались, поговорили о том о сём, и вдруг Рая говорит: «Людмила Федоровна, я вам давно хочу что-то показать. Дети мои играли недалеко от чума и нашли». «А где вы стоите?» — спрашиваю я. «За этой горой», — она показала в сторону мыса, на вершине которого растёт одинокое дерево. Мы договорились с ней о встрече. Интересно, что она собирается мне показать?

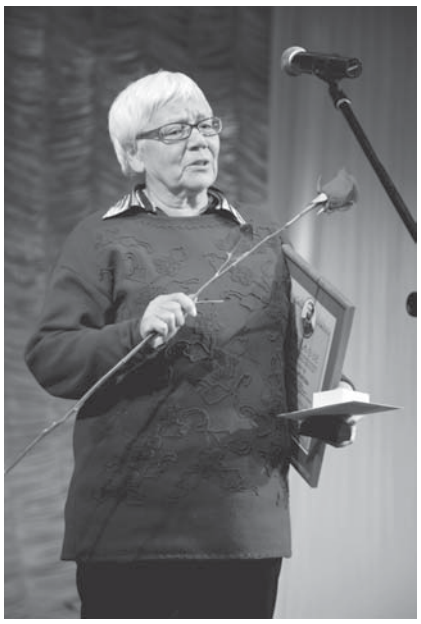
Результат был совершенно неожиданный. Рая показала мне черепок от какого-то керамического сосуда. Я не археолог, но и моих дилетантских знаний хватило на то, чтобы определить, осколок достаточно древний. Рая сказала, что она собиралась отдать мне его, когда приедет в Салехард, но раз уж я сама приехала в Лаборовую, то вручила его здесь, а то, как бы дети не потеряли.

Мы знакомы с Раисой Андреевной уже не один год. Она окончила Салехардское педагогическое училище, прекрасно училась, но так уж сложилась ее судьба, что она сейчас кочует по Байдарацкой тундре. У нее трое детей: Дима, Дарина и Диана. Старший учится в Салехарде в санаторно-лесной школе после перенесенного туберкулеза, Дарина — в Белоярске, а Диане еще шесть лет. Помню, как пять лет назад, когда я была у них в чуме в горах Полярного Урала, они хотели подарить мне маленького зайчонка, но я что-то побоялась брать домой этого дикого, царапающегося своими длинными сильными лапами зверька. Кошка или собака — другое дело. Это, во-первых, а во-вторых, я считаю, дикие животные должны жить в природе. Мне даже жаль, когда полевые цветы рвут без надобности в тундре или в лесу.

Короче говоря, забрала я осколок и показала в Салехарде специалисту. Оказалось, он еще древнее, чем я предположила. По предварительным оценкам, сосуд, частью которого был черепок, изготовлен не менее трёх тысяч лет назад. Чтобы определить срок точнее, надо провести археологические исследования на месте находки.

Не прошло и трех недель, как я снова оказалась в Лаборовой. Гора с одиноким деревом на вершине притягивала меня. Что же делать? А ничего — отправляться в путь. Если по прямой, это всего три-четыре километра, но в тундре, как правило, расстояние надо увеличить минимум вдвое — обязательно на пути встретится какое-нибудь озеро причудливой формы, и пока его обойдёшь... Благо попутчик оказался разго-

АВТОРА!



Липатова Людмила Федоровна родилась 4 сентября 1939 года в п. Верх-Нейвинске Свердловской области. Закончила УрГУ. Работает научным сотрудником краеведческого музея. Автор нескольких книг, посвященных краеведению, истории и культуре Ямала. Лауреат Всероссийской литературной премии имени Д.Н.Мамина-Сибиряка. Живет в Салехарде.

ворчивый. Илья Ламдо закончил Салехардский зооветтехникум, живет сейчас в Ханты-Мансийском округе (жена и пятилетняя дочка остались дома). Но он местный, мать и другие родственники кочуют в Байдарацкой тундре, — вот к ним-то он сейчас и направляется. Часть пути нам предстоит пройти вместе.

За разговорами о житье-бытье дорога бежит незаметно. Обогнули одно озеро. Форсировали небольшую речку, прошли мимо хальмера, обошли другое озеро. А тут смотрим, откуда-то еще один человек появился. Значит, этот пешеход знает более короткий путь между этими озерами. Оказывается, Ефим Тысия, это был он, возвращался из больницы в свои края. Посидели чуть-чуть, отдохнули и пошли дальше уже втроем. Наконец перевалили через гору с одиноким деревом. Ну, вот и чумы видны! Как всегда, забрехали собаки, увидев чужих, но злости в них нет, просто предупреждают хозяев, кто-то идет. В Раином чуме традиционно — чистота и порядок. Хозяйка быстро разжигает костер и ставит чайник на огонь. Старших детей нет, увезли в школу, в том числе Диму — главного открывателя археологического памятника. Зато есть младшенькая — Диана. Как много у нее всяких разных игрушек и купленных в магазине, и традиционных ненецких. А ещё кот. Да, самый настоящий! Раньше мне коты не встречались в стойбищах, а в последнее время это уже третий, которого я вижу в чуме. Самое интересное, собаки в стойбище, как правило, котов не трогают.

Попили чайку и отправились искать предполагаемую стоянку людей, живших здесь тысячелетия назад. Пошла с нами и Диана. Стояли «мальча яля», что в переводе с ненецкого означает «дни малицы», то есть бабье лето. День и в самом деле замечательный, тёплый, с ветерком, только малицы и шить. Уже сентябрь, но гора загораживает северный ветер, и на этом склоне много всяких ягод: шиповник, голубика, брусника. Морошка уже переспела, жёлтая, сочная, очень-очень вкусная. Вообще, не мудрено, что люди селились здесь еще в древности. Тем более озера богаты рыбой. В этих местах летом никогда не бывает пусто, — ненцы издавна облюбовали их и ставят здесь свои чумы на летовку.

Идем потихоньку, ягоды собираем, грибы. А вот и то самое место, где ребята нашли черепки. Рая вспоминает: «Мы только перекочевали и поставили чум. Ребята из школы приехали. Мы, взрослые, собирались уже лечь спать. А ночи же почти нет, ребята соскучились по тундре и отпросились у меня: «Мама, мы пойдём, побегаем». «Ну конечно», — отпустила я их. Вдруг прибегают, такие возбужденные: «Мама, мы что-то нашли», — и показали эти черепки. Я их предупредила: «Ничего там не трогайте больше. Вообще, туда не ходите, а черепки я сейчас спрячу», — и положила в дальний угол чума. Дима удивлённо спросил: «А что, мама, это ценные вещи, что ли?». «Конечно, — отвечаю. — Если будете хватать все — рассыплются. Это надо Людмиле Федоровне отнести. Я больше никого не знаю, кому можно показать, а вот она оценит». Потом один большой осколочек взяла, спрятала, и вот его-то вам показала».

Место, где нашли черепки, ничем не примечательно. Выдув на довольно крутом берегу озера, песок. Мелкие камни. Ребята, видимо, и в самом деле больше ничего не трогали, потому что выкопанная ими ямка совсем небольшая. Сфотографировала я это место с разных мест, чтобы показать археологам, и мы отправились в обратный путь. Но если вперед мы шли выше по склону, то теперь держались ближе к озеру. Неожиданно Рая показала мне на группу лиственниц, как бы растущих из одного корня. Кругом только тундра, кое-где кустарник, а тут такие густые, красивые деревья. Рая призналась, что возле них ей всегда не по себе, потому что там старинное священное место. Я, само собой разумеется, человек любопытный, — везде надо залезть. Подошла поближе. На ветках деревьев, на земле висели и лежали голубовато-седые оленьи черепа с ветвистыми рогами, во многих местах покрытые мхом. Сразу видно, уже давно здесь не приносят жертвы — нет свежих оленьих черепов, нет привязанных суконных полосок, нет и пустых бутылок.

Я внимательно всё рассмотрела и отправилась к Рае, которая ждала меня в отдалении, и тут же засыпала её вопросами, чьё это священное место, когда последний раз приносили жертвы. Рая разъяснила, что здесь уже давно не приносят жертвы, во всяком случае, она этого не помнит. Но всё равно ненцы ставят чумы в отдалении, при всем дефиците дров не покушаются на деревья и даже не трогают сухие, отмершие и сломанные ветром веточки. Кочевники очень бережно относятся к священным местам. Нарушение древних обычаев, традиций влечёт за собой какое-нибудь неприятное событие. Та же Рая говорит: «Несчастье какое-нибудь случится или горе, сразу же начинаешь думать: а что я такое натворила? И приходят на память некоторые обстоятельства, и ты как будто чувствуешь кару за то, что совершил какой-то грех».

Что касается поведения на хальмерах и священных местах, то про это можно рассказать множество случаев, причем касающихся как кочевников, так и всякого пришлого люда. Известны случаи, когда незадачливые искатели кладов поплатились за излишнюю жадность, разорив какое-нибудь захоронение. Строители и освоители тундровых богатств, не слушая местных жителей, устанавливали балки в местах, где ну никак нельзя ставить какое-нибудь жилье. Потом сгорали в них или стреляли друг в друга, или ещё какая-нибудь напасть с ними приключалась. Необходимо хотя бы немного изучить историю мест, где человек собирается жить, узнать про традиции и обычаи людей, населяющих эти края, не обижать ни их, ни духов этой земли. За все приходиться платить, и иногда цена бывает очень дорогой.

Вот и я сама тоже не всегда, к сожалению, веду себя, как подобает. Была я на этом старинном священном месте, а даже ничего не принесла в жертву. Нет хотя бы мелочь какую-то оставить, так вот, поди ж ты, растерялась, забыла, обрадовавшись уведенному. Надеюсь лишь, что вскоре опять побываю там, где священное место охраняет древнюю стоянку человека, и исправлю свою ошибку,

Эту ночь я провела в чуме у Раи. Она укрыла меня своими ягушками, спать было очень тепло и уютно. Ранним утром плакала гагара — к теплу.

Фото Михаила ЯНЧЕНКО

Международный конкурс литературных эссе и художественно-публицистических статей, посвященных 65-летию победы в Великой Отечественной войне

И память сердца говорит

1. Общие положения:

Международный конкурс проводится в развитие принятого на II Международном Фестивале «Литературная Вена» решения о совместном литературно-исследовательском проекте по инициативе Союза русскоязычных литераторов Австрии и журнала «Венский Литератор».

Организаторы Конкурса:

— Союз русскоязычных литераторов Австрии;

— Московская городская организация Союза писателей России;

— Союз писателей Беларуси;

— Журнал «Венский Литератор» (Вена, Австрия).

Конкурс проводится в целях сохранения исторической памяти, осмысления опыта и уроков Великой Отечественной войны и чествования ее ветеранов, воспитания уважения к истории у молодого поколения.

Работы лауреатов конкурса будут опубликованы в специальном выпуске журнала «Венский Литератор», российских и белорусских литературных журналах и литературных альманахах.

2. К конкурсу допускаются:

Художественно-публицистические произведения и работы документального и исследовательского характера, статьи, эссе.

3. Сроки проведения конкурса

Литературный конкурс проводится в период с **20-го января по 15-ое апреля 2010** года включительно.

Сроки окончательного подведения итогов и список Международного Жюри будут объявлены дополнительно.

4 . Условия участия в Конкурсе:

4.1.Выдвижение работ на конкурс:

В международном литературном конкурсе могут принимать участие авторы в возрасте от 18 лет, пишущие на русском языке, независимо от места жительства и гражданства, членства в творческих Союзах.

Правом выдвижения обладают сами авторы, а также издательства, СМИ, общественные организации, члены творческих союзов писателей и журналистов.

Допускается представление соавторских работ; в этом случае в заявке необходимо указывать контактные данные всех соавторов произведения.

На конкурс НЕ ПРИНИМАЮТСЯ произведения:

— Содержащие политическую, религиозную и иного рода пропаганду, клевету и ложную информацию, призывы к национальной розни;

— Содержащие ненормативную лексику;

— Официальные отчеты и доклады, рекламные и информационные материалы;

— Нарушающие авторское право.

Оргкомитет принимает к рассмотрению ТОЛЬКО РАНЕЕ НЕ ИЗДАВАВШИЕСЯ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ.

Список выдвинутых произведений не публикуется.

4.2.Требования к предоставляемым на конкурс творческим работам:

Конкурсная работа должна быть написана только на русском языке.

Объем не должен превышать **15 тыс. знаков.**

Произведения принимаются ТОЛЬКО В ВИДЕ ПРИЛОЖЕНИЯ в электронном виде (в виде файла формата Microsoft Word (с расширением doc), шрифт Times New Roman или Arial Cyrillic, размер шрифта 12, интервал между строками 1,5). Текст должен содержать имя автора (псевдоним) и название произведения.

Адрес: litaustria@gmail.com (с пометкой: «на конкурс» и с обязательным запросом у получателя сообщения подтверждение прочтения Вашего письма.)

Полные условия участия в конкурсе и оформления конкурсных работ можно получить на сайте Союза русскоязычных литераторов Австрии: http://litaustria.ucoz.org/

РЕКЛАМА

Издательство «АсПУр»

предлагает авторам (от начинающих до профессиональных) издание книг, брошюр, художественных альбомов: от набора текста, верстки, дизайнерских работ и полиграфического исполнения — до изготовления рекламных и презентационных материалов (афиши и плакаты, листовки, буклеты, открытки и календари с рекламой Вашей книги).

С Вашим заказом будут работать профессиональные редакторы, художники, дизайнеры и полиграфисты.

Обращаться по адресу: 620075, г. Екатеринбург, ул. Пушкина, 12.

Телефоны издательства:
(343) 371-12-06, 216-11-63,
8-912-22-604-92.
E-mail: aspurizdat@mail.ru

ТРЕБОВАНИЯ К АВТОРСКИМ И РЕКЛАМНЫМ МАТЕРИАЛАМ, ПОДАВАЕМЫМ В «БМ»

1.Объем: информационных материалов — до 2 тыс. знаков; статей — до 7 тыс. знаков; проза — до 19 тыс. знаков; поэзия — до 7 тыс. знаков. К материалам желательно прилагать фото автора, биографическую и библиографическую справки.

2.Вся верстка выполняется на платформе PC.

3.Текстовая информация принимается в форматах txt, rtf, doc.

4.Векторная графика (рисунки) принимается в форматах eps, cdr. Все шрифты должны быть преобразованы в кривые.

Предпочтительный формат Adobe Illustrator.

5.Растровая графика (фото) принимается в формате tif и eps. все мзображения в натуральную величину должны иметь разрешение 300 dpi, не содержать посторонних путей и альфа-каналов.

6.Материалы принимаются по электронной почте (адрес указан в выходных данных), на дискетах 1,44 Mb, CD.

БОЛЬШАЯ МЕДВЕДИЦА

№1(24)
ЯНВАРЬ–ФЕВРАЛЬ 2010
АССОЦИАЦИЯ ПИСАТЕЛЕЙ УРАЛА

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ. РАСПРОСТРАНЯЕТСЯ НА ТЕРРИТОРИИ УРАЛА, СИБИРИ И ПОВОЛЖЬЯ

ОБЩЕСТВЕННЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Екатеринбург: *Кердан А.Б.* главный редактор, координатор Ассоциации писателей Урала; *Бриль Ю.Г.* Заместитель главного редактора; *Титов А.Б.* председатель отделения Союза российских писателей; *Казарин Ю.В.* председатель отделения Союза писателей России.

Барнаул: *Тихонов В.Е.* председатель краевого отделения Союза писателей России

Кемерово: *Бурмистров Б.В.* председатель областного отделения Союза писателей России

Киров: *Морозов В.И.* председатель областного отделения Союза писателей России

Курган: *Филимонов В.И.* председатель областного отделения Союза писателей России

Муравленко: *Овсянников А.В.* председатель окружного отделения Союза российских писателей *Быковский В.А.* председатель окружного отделения Союза писателей России

Нижневартовск: *Смирнов Н.П.* председатель городского содружества писателей

Омск: *Ерофеева-Тверская В.Ю.* председатель отделения Союза писателей России.

Оренбург: *Моисеев В.Г.* председатель регионального отделения Союза российских писателей

Пермь: *Соколова Т.Ф.* председатель областного отделения Союза писателей России.

Сыктывкар: *Козлова Е.В.* председатель республиканского отделения Союза писателей России

Томск: *Скарлыгин Г.К.* председатель правления областного отделения Союза писателей России.

Тюмень: *Денисов Н.В.* председатель областного отделения Союза писателей России; *Марласов А.М.* президент Тюменской ассоциации литераторов; *Шамсутдинов Н.М.* председатель областного отделения Союза российских писателей

Ханты–Мансийск: *Рябий И.А.* председатель правления окружного отделения Союза писателей России.

Челябинск: *Белозерцев А.К.* председатель областного отделения Союза писателей России; *Шишов К.А.* председатель организации Союза российских писателей.

РЕДАКЦИЯ ВЕДЕТ ПЕРЕПИСКУ С ЧИТАТЕЛЯМИ!

Адрес для писем: 620075, г.Екатеринбург, ул.Пушкина,12. «Ассоциация писателей Урала».
E-mail: ursamajor2005@yandex.ru.
Контактные телефоны: (343) 371-33-70, 371-12-06

© Все права на материалы, опубликованные в издании, защищены законами об авторском праве.

Редакция не несет ответственности за достоверность информации, опубликованной в рекламных объявлениях и сообщениях информационных агентств. Перепечатка материалов из газеты «Большая медведица» и предоставление справочной информации только по специальному согласованию.

При создании логотипа издания использована гравюра из астрономического атласа Яна Гевелия (1512 год). Идея логотипа — В. Дулепов *Тираж 999 экз.*

Отпечатано в типографии ООО «Режевской Печатный Дом», г. Реж, ул. Красноармейская, д.49. Тел. (8-3436) 42-15-32